

Кирилл Краснов

Преодолевать

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Краснов

Преодолевать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51856872

SelfPub; 2020

Аннотация

Художественный роман «Преодолевать» состоит из 12 глав и рассказывает историю московских подростков, парня и девушки, у которых после расставания начинается череда неприятностей. Конфликты с родителями, наркотическая зависимость, потасовки и криминальный бизнес – с этими и многими другими проблемами предстоит столкнуться героям, чтобы найти себя в необъятном мире. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Марк	6
Глава 2. Настя	34
Глава 3. Марк	64
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Предисловие

Эта книга не из числа приятных. Что может быть приятного, когда употребление наркотиков кончается летальными исходами? Что может быть приятного в ксенофобии, эйджизме, проституции, насилии? Что может быть приятного, когда у молодых людей так много психологических травм?

Идея этой книги пришла мне ещё в школе. Я учился в Северном Чертанове. В этом районе, в какой-то степени, прошла моя юность. Иногда я гулял там с друзьями, и они делились своими историями.

В какой-то момент на районе многие начали обсуждать уголовное дело о сбыте наркотиков, где фигурировали участники рэп-группы «Рыночные отношения». Эта тема была на слуху: кто-то был знаком с исполнителями лично, кого-то просто привлекала тема наркотиков.

С того момента мало что поменялось. Баловаться наркотиками подростки начинают ещё со школы. И мне страшно, потому что жизнь некоторых моих сверстников обрывается из-за зависимости. Мне страшно, потому что многие из нас испытывают ненависть и не могут разделить чувство любви.

Мои герои – это подростки, которые запутались в себе и не могут найти своё место в необъятном мире. Через них мне бы хотелось показать, как легко манипулировать молодыми ребятами, которые сбились с пути.

Посвящается моим школьным друзьям.

Дисклеймер: В книге содержатся описания деликатного характера и ненормативная лексика. Все персонажи являются вымышленными и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно. Не рекомендовано к прочтению лицам моложе 18 лет.

Глава 1. Марк

—... Ты вечно, вечно всё усложняешь, Марк! Почему ты не можешь быть как все нормальные парни? Почему с другими всё так просто? Блять, как мне всё это надоело! Мы с тобой абсолютно разные люди, понимаешь?

Знала бы ты сейчас, как нелегко мне даются твои скандалы... Кажется, наши отношения идут к чертям собачьим, в чём определённно не только моя вина. Правда, ты настойчиво пытаешься сделать меня виноватым в своих собственных заблуждениях. Как легко безосновательно обвинить человека в чём-то. «Ты козёл, и я всё сказала!» А как же аргументация? Самое важное девушки почему-то оставляют без внимания – наверное, боятся забрести в тупик... Да-да, кричи, сколько влезет кричи, разбуди соседей в два часа ночи, бей посуду, ругайся – может, тебе станет легче.

—... И сколько можно терпеть? Ты вообще слышишь меня? – здесь я на мгновение очнулся и молча утвердительно кивнул, как будто я заинтересован в её заморочках. Она продолжила: – Нет, я больше не могу! Не вынесу ни минуты с тобой... Вали нахуй! – последнее слово вонзилось в меня словно остриё кинжала, и тогда я, наконец, понял, что меня ждёт не обычная ссора сроком в неделю сна на диване в обнимку с плюшевым мишкой, подаренным на 14 февраля, а нечто гораздо серьезнее. – Видеть не хочу тебя! А тем бо-

лее что-то слышать! Просто, Марк, пойми ты мне противен. Слышишь? Да мне блевать хочется от одного только твоего вида, ясно?! – тон, которым ты оскорбляешь меня, называется истеричным. Если быть точнее, тон истеричной блядской суки. Раньше я его не слышал. – Уходи, не разувайся. Уйди куда-нибудь, прошу тебя, только навсегда... – Вы бы видели её лицо: у меня было такое же, когда наша сборная по футболу проиграла в матче за путёвку на Евро. Глаза на мокром месте, губы дрожали, и казался я со стороны тоже беспомощным и жалким. Правда, тогда во мне ещё бурлили несколько литров пива. Страшно и представить, какая срань бурлила у неё. – Убирайся из моей жизни на-сов-сем! И не появляйся на моих глазах больше, умоляю... – последние её фразы звучали как никогда жалобно. Чуть не расплакался. – Ах, есть ли у нас чего выпить... Бля! – она саркастично хихикнула, – Да нет же, нет больше «нас», Марк! Отныне есть ты, а есть я, уяснил? Ну что ты стоишь как вкопанный?! Иди! Проваливай!

Возможно, стоило хоть бы слово вставить... Но не в разговоре же с разъярённой девушкой, которая с течением ссоры всё больше смахивала на дикарку? Такая и убить может... Куда же идти? Надо бы для начала дверь открыть и выйти из квартиры... О боже, какой взгляд! Эти полные ненависти и боли глаза, сдерживающие себя из последних сил, чтобы не пустить слезу. Но вот она двинулась в мою сторону. Ладно, мне и впрямь пора.

Закрыв дверь с обратной стороны, я начал неспешно спускаться по лестнице, вслушиваясь в раздававшиеся за стеной вопли. Какие же тонкие стены в доме у нас были... Фак. У неё в квартире. «Нет больше нас, Марк!» Да пожалуйста. Сука.

Пока я спускался, что-то вдруг с грохотом упало на пол и разбилось вдребезги. Я остановился, в подозрении наострив уши из-за последовавшей тишины. Может, вернуться, проверить? Спустя несколько секунд мои сомнения сразу рассеялись, потому что послышался пронзительный крик: «Марк, гнида, чтоб ты сдох!»

Замечательно. Я мог бы запросто воплотить в жизнь твоё желание: лечь под проезжающую машину, подняться на крышу и спрыгнуть или утопиться в том вонючем озере напротив твоего окна, куда мы ходили гулять по вечерам и мило общались, размышляя о будущем.... Прекрасно. Просто пиздец как прекрасно!

В общем, знакомьтесь – моя девушка, Настя. Похоже, бывшая девушка.

Полгода отношений – неплохо, не правда ли? Плохо, что последние недели меня окончательно взбесили. Уж не знаю, слабак ли я, трус или обычный пофигист, но почему-то мне не удалось высказать ей всё, о чём я тогда думал. Точнее, я ничего не сказал. Да и не думал. Молча смотрел в глаза. Возможно, дело ещё и в том, что я никому не доверю свои чувства при общении, даже родной матери, которая в детстве

подтирала мою грязную задницу, но об этом не самое подходящее время рассказывать. Давайте лучше объясню вам, что послужило причиной нашего сегодняшнего конфликта.

Поехали мы, значит, сегодня вечером к друзьям. К её друзьям. Ну, вы понимаете, что заводить отношения с девушкой на следующий день после знакомства, невыгодно по одной понятной причине – ты эту девушку совсем не знаешь. Да, я люблю сюрпризы. Приятные. К моему же удивлению, сюрпризов так и не последовало. Кроме одного. Хорошо это или плохо, но, встречаясь с Настей, я наткнулся вот на какую проблему – её извечных друзей, то есть тех, которые с детства не разлей вода, сечёте? Как бы растолковать, что в них не так... Они меня попросту бесили – вот и всё. Мои друзья Настю тоже нервировали, только, по неизвестной мне причине, она с ними и не общалась. Мне же с её приятелями приходилось постоянно. Каждая деталь в них меня раздражала: и манера общения, и взгляды, которыми они меня пронзали насквозь, пока мы сидели вместе, и сухие рукопожатия, и фальшивые улыбки. С первого же дня общения с ними стало очевидно, что ни мне, ни им не комфортно быть друг с другом. Не люблю лицемерия, конечно, но Настя просила обходиться с ними вежливо. Наверное, им она говорила то же самое. Но сегодняшняя ситуация вышла через край.

Мы сидели вчетвером за столом и пили вино. Вели тёплую светскую беседу. Я чаще молчал, разумеется. Напротив меня сидел друг Насти, Илья, а слева от него Алёна, его де-

вушка. Алёна лучшая подруга Насти. Правда, у Насти дохера лучших подруг, но не в этом суть.

О чём говорят в нашем возрасте? Если вдуматься, то об откровенном шлаке, хотя многие люди готовы будут со мной поспорить. Пообсуждав сплетни про того-то и того-то, мы, наконец, переключились и стали рассказывать о себе, о недавних происшествиях, поделились планами на будущие и несбывшимися надеждами в прошлом... Эта беседа продолжалась минут десять-пятнадцать. Я, как уже сказал, практически не принимал участия в разговоре, а лишь слушал новости, кивал, улыбался и мечтал свалить побыстрее. Через пятнадцать минут терпение всё-таки вышло, и я, воспользовавшись паузой, обратился к Илье.

– Слушай, братан, пойдём выйдем, покурим? – предложил я ему, указывая на пачку, лежавшую на столе рядом с его тарелкой.

– Постой, ты же говорил, что спортсмен вроде, – как-то слишком изощёренно и по-идиотски ответил он.

– Да, конечно, как и все мы здесь, – сказал я с сарказмом. – Просто скажи, что влом делиться.

Открыв пачку, Илья показал её мне, ехидно улыбаясь:

– Последняя.

Да у этого жмота ещё несколько пачек дома были припрятаны, а он игрался со мной! Я решил не продолжать с ним неприятный диалог и поглядел на Настю, сидевшую справа. Она, уткнувшись в телефон, писала кому-то сообщение.

– Кому пишешь? – хотел я выяснить, но один человек никак не мог уговориться и понять, что разговор с ним окончен.

– Ты чего любопытный такой? – подразнивал меня Илья, не догадываясь, как сильно мне уже захотелось разmozжить его череп об угол стола. От кого, а от пацана я такого вопроса совсем не ожидал. По-моему, любой мужчина должен следить за своей возлюбленной, чтобы она ненароком не натворила чего лишнего или кто-то со стороны не натворил чего-нибудь лишнего с ней. Это считается нормальным. Испокон веков мужья буквально под уздцы держали своих жён, дабы те служили им верностью, и почему в наши дни всё должно быть иначе? Настя говорит, что я просто сексисит.

– А что ты такой прилипала? – парировал я задиристо.

– Ты, видимо, злишься из-за сигарет. – Илья пытался раскусить меня. – Думаешь, я зажал, потому что тебя не уважаю?

– Думаю, что тебе на меня похуй, либо, что вероятней, тебе на меня абсолютно похуй, – спокойно утвердил я, сжимая при этом кулаки под столом.

– По правде говоря, я тебя вообще не выношу. Тебе не то чтобы сигарету давать, на тебя даже смотреть противно как-то, – затем он обратился к Насте. – И что ты нашла в этом смазливом куске дерьма?!

– Поцелуй меня в зад, гандон! – тут мы с ним уже повыскакивали из-за стола, намереваясь начистить друг другу

морды, но под оглушительные женские возгласы «мальчишки хватит!» встали замертво, будто английские джентльмены. Тогда я всего-навсего задел его плечом и пошёл в коридор одеваться, чтобы свалить оттуда прочь. Взглядом я пригласил одеваться и Настю, которая какое-то время ещё стояла в изумлении на кухне.

В такси мы успели обсудить многое: я твердил о наболевшем, как мне неприятно находиться с её друзьями и тому подобное, а она предьявляла претензии: говорила, что я невежлив, общаться не умею и веду себя как полнейший псих. На мои же слова она не сказала ничего, кроме «не неси чушь, Марк». После выхода из такси мы шли молча, пока не зашли в квартиру, где я, не успев разуться, ощутил на себе всю мощь жившей внутри неё истерички. А дальше сами знаете, что произошло...

Копошась в воспоминаниях сегодняшнего вечера, я заглянул в круглосуточный бар. Ноги будто сами знали верное направление. Внутри народу – тьма-тьмущая. Все шумят, спорят между собой, громко хохочут, ругаются, и тут меж них я. Удручённый, поникший, отчаянный я.

– Стакан виски, пожалуйста – обратился к бармену, подойдя к стойке.

– Паспорт, – в пол-оборота сказал он мне, убирая какую-то бутылку на полку.

– По мне не видно, что я совершеннолетний?

Ему пришлось обернуться полностью. Прищурившись

так, будто его зрение обладает рентгеновскими лучами, он надменно проговорил:

– Я бармен, а не психолог. Предъяви свой паспорт – тогда налью.

– Странно. А я думал, что все бармены немножко психологи, —я достал из кармана документ. – Вот, держи мой паспорт.

– Тут написано, что тебе семнадцать, – заметил он, до этого внимательно всматриваясь в дату рождения. Умный подонок.

– Серьёзно? У меня же скоро день рождения, – подмигнул я и дружелюбно улыбнулся его недоверявшей роже. – Будь другом, налей. Меня сегодня девушка бросила, – окончил я уже более угнетённо.

– Ну ладно, только не шуми особо – мне проблемы не нужны, – он снова прищурился и потянулся к стакану.

– Ваш виски.

– Ой, а можно двойной? – бармен закатил глаза, тяжело вздохнул, но, увидав деньги, выполнил мою просьбу.

Хорошо, когда есть люди, способные войти в положение. Помню случай совершенно противоположный: как-то раз с Настей пошли в кино на ужастик, который она очень хотела посмотреть. Не обращая внимания на возрастной рейтинг, мы выбирали свободные места. Как ни странно, вопросов у кассирши к нам не возникло, но чуда не произошло: толстая пожилая контролёрша в очках, стоявшая у входа в зал, про-

сто не могла укротить в себе резкие приступы небезразличия то ли к нам, подросткам, то ли к своей драгоценной работе. Она, поглядев на нас и на билет, где жирным шрифтом стоял ценз «18+», подозрительно скривила физиономию и звонким контральто забубнила, широко выпучив глазница: «Предъявите паспорта! Подозреваю, что вам нет восемнадцати!» Подозревает она. В союзе своём подозревать будешь... Ответил, правда, я не так. Мне пришлось долго упрашивать старушку, что ставило меня в неудобную ситуацию перед девушкой, но мольбы остались проигнорированными, а точнее, были встречены бурной, неадекватной реакцией с её стороны: «Я вас пушу, а потом должна буду лишиться работы, так что ли по-вашему?! Знаете, сколько тут ходит всяких – и каждого впускать? Ага, щас! Разбежалась! Ишь какие пошли, наглые! Идите отсюда, пока охрану не вызвала!» Вне всякого сомнения, я мог бы поспорить с ней подольше, доказывая свою правоту, ведь билеты уже куплены. В конце концов, мог бы договориться со старшими, они ведь заходили в зал. Но почему-то я струхнул, и ушли мы тогда в кафе, так и не посетив уже оплаченный сеанс. И всё из-за бабульки.

Ничего, спустя какое-то время я с ними расквитался. В один прекрасный вечер, будучи в продуктовом магазине, я стоял в длинной очереди на кассе, чтобы пробить себе газировку. Мелочи на покупку не хватало. Два рубля. И что вы думаете? За кассой сидела вылитая копия той злосчастной контролёрши. На мои обещания занести деньги в следующий

раз она холодно и сухо отвечала: «Молодой человек, я что, из своей зарплаты вычесть должна?» Господи, конечно, из своей зарплаты! Ведь директору магазина плевать на списанный, просроченный, украденный товар, а пару рублей за газировку – единственная вещь, ради которой они разорятся и обвинят во всём именно эту кассиршу. Идите куда подальше с таким отношением! Может, я умирал от жажды или у меня грёбаная гипогликемия и я скоро впаду в кому? Тогда бы эту пожилую женщину привлекли уже не к административной, а к уголовной ответственности. Она бы таскалась по судам, где доказывала свою невиновность, и в итоге выплатила бы мне весомую денежную компенсацию. В том случае, если бы я не содох, конечно. Впрочем, и на другом свете я бы дьявольски хохотал, пока она проходила круги ада судебных инстанций. Но тогда эта мысль не пришла в голову... Зато пришла другая: я резко развернулся и рванул как проклятый из магазина с газировкой в руках. Охранник не успел и опомниться. Надеюсь, что после моего побега кассиршу как следует отчитали, да ещё и вычли два рубля из зарплаты... Да, я настолько кровожадный. А как иначе? Думаю, я отомстил за всех некогда оскорблённых молодых людей, ставших жертвой старушечьего произвола.

Между тем, второй стакан виски был опустошён. А дальше, принявшись за третий и за четвёртый, я, наконец-то, начал забывать подробности недавней ссоры с Настей. Вскоре я даже забыл, какая цифра идёт после шести, поэтому пере-

стал считать пустые бокалы. Моё тело постепенно растекалось по стулу, хотя я пытался принять более приличный вид, чтобы не привлекать внимания. Но вскоре этот вечер доставил ещё больше боли. В прямом смысле слова.

Как я и говорил, сижу преспокойно за барной стойкой и вдруг чувствую, что сзади кто-то тыкает меня в плечо. Когда обернулся, увидел рослого пацана, с широченным лбом, гигантскими шарами вместо глаз и золотой серьгой на правом ухе. Собственно, больше ничего рассмотреть мне не удалось, потому что моментально мне в переносицу со всего размаху прилетел его кулак. Я упал со стула, стукнулся головой об пол и потерял сознание.

Очнулся в том же месте буквально через несколько секунд. Своим туманным зрением я едва видел собравшуюся вокруг толпу, среди которой неожиданно чётко вырисовывалась фигура одного человека. Мне сразу врезалось в память выражение его лица, и главным образом его бурые глаза. Такое серьёзное, мужественное лицо.

– У тебя кровь из носа течёт, – словно эхом отозвались его слова в моей голове. – Тебе бы умыться... Давай, я помогу тебе встать.

Привстав, я смог получше разглядеть его внешность. На вид ему не дашь больше двадцати. Рослый, плотного телосложения, у него чёрные как смоль короткие волосы и щетина. Острый подбородок слегка выпирал вперёд, глаза, наоборот, были глубоко посажены. Поверх них располагались

симметричные дугообразные чёрные брови. Несколько морщин на низком лбу будто бы повторяли за губами, складывавшимися в узкий полумесяц. За волосами еле-еле торчали завитки ушей, которые были чуть-чуть приплюснутыми и оттого едва заметными. А ещё длинный и широкий нос с горбинкой... Не подумайте, что я люблю всматриваться и подробно изучать стоявших напротив меня мужиков, однако какое-то время оторваться и впрямь было невозможно. Может, всё из-за взгляда, излучавшего неведомую магическую силу?

Он проводил меня до уборной, где мне удалось смыть кровь под холодной струёй воды. Убедившись, что со мной всё в порядке, он отошёл обратно к своему столику и как ни в чём не бывало продолжил пить пиво. Но теперь я уже загорелся желанием познакомиться с ним и нормально поблагодарить. Тем более, он мог бы подсказать, что за засранец заехал мне по носу.

– Как тебя зовут? – спросил я его, пока он изучал меня сверху до низу.

– Андрей... – грубым мужским голосом ответил он и умолк, глядя на меня теми же изучающими глазами. Спустя некоторое время, он с участием добавил: – Здорово же тебе досталось. Тебе бы домой пойти...

– Да мне уже лучше, вроде бы, – я пытался не шуриться от боли и говорить уверенно. – Я просто хотел поблагодарить... Можно присесть?

Андрей кивнул, взял свою полупустую кружку пива, сделал один жадный глоток и только тогда заговорил снова:

– Не за что благодарить – я ничего не сделал. А ты бы хоть лёд попросил у бармена... Легче станет.

– Нет, спасибо. Правда, всё хорошо... Только что за уёбок это был? Не пойму, чем я ему не понравился... Ты видел, как эта мразь всадила мне?

– Здесь люди всякие бывают и лучше вообще не попадаться им на глаза. Ты оказался не в том месте и не в то время... – тут он усмехнулся.

– И чего ты тут забыл, чувак?

– Да так, кое-какие обстоятельства... Меня Марк зовут, кстати, — в знак знакомства я протянул руку, которую Андрей сухо пожал своей на удивление слабой ладошкой.

– И какие же обстоятельства? – заинтересовался он.

– Личные.

– Ну рассказывай, – настоял он, хотя я всем видом показывал, что не хочу заводить разговор на эту тему.

– ...Всё дело в моей девушке, Насте. Мы с ней расстались сегодня. Причём не самым лучшим образом...

– Ты трахнул другую?

– Нет...

– Она другого?

– Нет же! Мы поругались.

– Из-за чего?

– Сложно объяснить. Наверное, мы не подходили друг

другу.

– Она некрасивая?

– Она изумительная...

– Значит тупая...

– Боже, нет! Она во всех отношениях прекрасна, и я понятия не имею, почему мы расстались... Давай оставим тему, ладно?

– А ты хоть её любишь? – опять допытывался он, как будто разгадывал какой-нибудь кроссворд.

– Наверное...

– Ну, то есть, ты всё ещё хочешь ей присунуть? – в этот момент он засмеялся как ненормальный, и я вознамерился уйти.

– Ты прав, мне и действительно пора домой, – я уже встал и начал уходить, как вдруг его зов раздался за моей спиной.

– Пстой, Марк! Не обижайся, я сегодня выпил лишнего и несу чушь. Извини. Присаживайся, – я покорно присел обратно в надежде, что вскоре он сам меня прогонит, но диалог принял весьма неожиданный поворот. – Ну а если серьёзно, в чём же проблема? Разве нельзя ничего исправить? Может, я могу как-то помочь?

– Не уверен, что кто-то способен помочь. По всей видимости, я и сам не в состоянии себе помочь... Давно не испытывал к себе жалости.

– Только не говори, что ты сдался, Марк. Если что-то от неё ещё осталось в тебе, то хватайся и не отпускай.

– Честно говоря, я почти ничего не чувствую сейчас. Такая пустота внутри. Понимаешь, как это бывает: раньше я с ума сходил по ней, не мог перенести расставаний, хотел всегда быть вместе. Со временем интерес пропал. Мне жаль потраченного времени, наверное. Но теперь меня ничего не держит – вокруг неизвестность.

– Боишься неизвестности? – в ответ я пожал плечами. – Это нормально – чего-то бояться. Страхи есть у всех нас, но, побеждая их, мы становимся сильнее. Ведь тебе не страшно делать то, что ты уже делал, правда?

– Не уверен. Помню в детстве я пугался ос, ведь они больно жалят. После первого укуса мне стало ещё страшнее, а после второго тем более...

– И что в итоге: боишься их сейчас?

– Нет, я вырос, – усмехнулся я.

– А у меня есть знакомые, которым больше лет, чем нам вместе взятым, и те боятся ос похлеще, чем ты в детстве, уверяю. Знаешь почему? Потому что их ни разу не кусали, – он улыбнулся мне и допил пиво.

– А что насчёт смерти? – спросил я, немного поразмыслив.

– А что насчёт смерти? – переспросил он наивно.

– Ну, многие боятся смерти...

– Для тех, кто боится смерти, уже давно придумали рай, – Андрей икнул, а затем предложил: – Слушай, у меня к тебе есть просьба: посади меня в такси, а то я, кажется, нехило

набухался... Не хотелось бы сегодня попасть под машину.

В тот момент Андрей смотрел на меня жалобными щенячьими глазами, и создавалось впечатление, что он разыгрывает нелепую сцену, в которых обычно какая-то неожиданная развязка. По крайней мере, я так думал. В итоге через мобильное приложение мне удалось вызвать такси, и за три минуты оно подъехало к бару. Взяв Андрея под руку, я повёл его к выходу, но двигались мы настолько медленно, что мне казалось, будто мы стоим на месте часами. Неудивительно, я ведь тоже далеко не трезв. Доковыляв до машины, я посадил его в салон, однако тут нарисовалась ещё одна проблемка... Почему-то я предполагал, что он живёт где-нибудь неподалёку. Но я ошибался – его дом находился на другом конце города. Правда, на повал меня сразило другое: внезапно мой новый знакомый предложил мне ехать с ним.

– Марк, садись тоже. Поехали. Мне потребуется твоя помощь.

Взвесив все за и против, я почему-то решил поостеречься и отказаться от столь заманчивого предложения, хотя время уже было позднее, а переночевать негде:

– Нет, спасибо, у меня ещё есть кое-какие планы...

– Какие планы?! – недоумевающе воскликнул он. – Ты в стельку пьяный, как и я! Твои планы явно либо неразумны, либо до них ты не доберёшься. Погляди лучше на себя: лицо опухшее, глаза в разные стороны, нос разбит, рубашка вся в крови... Я, конечно, не заставляю, но ты бы мне здорово

помог, если поехал бы со мной в машине...

– Но...

– Да тащи ты сюда уже свою задницу, Марк!

Его последние слова звучали безотказно. Помнится, мой отчим говорил нечто подобное. По-моему, он даже произнес точно такую же фразу. Для него это было в порядке вещей – обозвать меня как-нибудь, унижить. Он вообще отличался неадекватным поведением. Вы бы видели, как он раньше обращался с моей матерью. Однажды за его выходки я ему хорошенько вмазал – с тех пор (прошло около полугода) я не заявлялся домой и жил у Насти, ведь тогда её родители подарили ей целую квартиру. Мой отчим работает в полиции – руководит подразделением ОМОН. Если бы его сослуживцы знали, как он по пьяни себя ведёт, то наверняка запекли бы за решётку. Поначалу, когда он только-только появился в нашей с мамой жизни, то выглядел приличным и хорошим человеком. Со временем же он почувствовал, что имеет некую власть над нами и стал вести себя как мразь. Его приступы бешенства, которые случались после первых стопок водки, пугали. Я рос и всё чаще переносил крики, удары кулаков по столу, разбитую посуду с раздражением. Сперва я терпел – мама просила. И всё же не выносимо было видеть, как очередной раз, придя с работы, он срывался то на меня, то на мать. Последней каплей стал случай, когда он дал себе волю трогать маму, которая не могла постоять за себя. Услышав стоны матери, я направился из комнаты на кухню и уви-

дел, как она пытается отстраниться от него: он, сидя за столом, крепко держал её за руку и скручивал. Набросившись на него, я успел ударить его несколько раз, пока мама не сказала перестать. В тот же день этот козёл выставил ультиматум: если подобное ещё раз повторится, то он выкинет нас на улицу из своей квартиры. Пришлось пожертвовать собой: я ушёл добровольно, прихватив все свои накопления и поставив перед отчимом условие: чтобы он больше никогда не смел трогать мать. Я созваниваюсь с ней пару раз в неделю и, слава богу, никаких жалоб от неё не слышу. Надеюсь, у неё всё в порядке.

Мы с Андреем уже подъезжали к его дому на такси. Когда настало время расплачиваться за поездку, оказалось, что таксисту нельзя перевести деньги онлайн, поэтому пришлось расплачиваться наличными. Хорошо, что у Андрея при себе был кэш. Странный водитель с лицом маньяка взял наличные и, проговаривая что-то сквозь зубы, протянул сдачу мелочью. Ну и руки у него были... Сухие, холодные.

Затем он закрыл дверь и выехал на своём ниссане на проезжую часть. Жёлтые номера 243 удалялись всё дальше и дальше, пока я в забвении стоял и понимал, что нашёл удачное место для ночлега. Если бы не мой новый знакомый, я бы, наверное, ночевал на улице.

Когда мы зашли в квартиру, расположенную на восьмом этаже невзрачной шестнадцатипятиэтажки, я не то, чтобы сильно удивился увиденному, но растерялся точно. Конечно, пред-

полагалось, что раз Андрей живёт один, то внутри будет не прибрано, однако такого беспорядка я не ожидал.

Оправданием, наверное, послужит лишь тот факт, что в квартире её хозяин появлялся довольно редко. Скопившаяся по углам пыль, невымытые чашки с кофе на столе, разбросанные на диване футболки – ещё пол беды. А вот заваленный барахлом балкон, на который даже нет возможности выйти покурить, вонючий и грязный туалет, какие-то следы, оставленные обувью, вызывали омерзение. Нет, даже будучи холостяком, я бы не запустил свою хату до помоечного состояния, хотя судить об этом сложно: один я ещё никогда не жил. Просто с детства я считался хозяйственным парнем: мыл посуду, когда мама просила, а повзрослев, мыл полы по требованию Насти в её квартире, когда она ссылалась на головную боль... В общем, под манипуляциями женщин всё у меня выходило складно, ведь, в конечном счёте, я всегда получал какое-никакое вознаграждение: от мамы – вкусный ужин, а от бывшей – бурный секс. Ладно, не всегда получал. Если быть точным, почти никогда. Наверное, я просто грёбаная бета-личность.

Пока я разглядывал «апартаменты» и размышлял о трудностях одинокой жизни, Андрей скинул вещи с дивана, разложил его и уселся за грязный стол, на котором не сосчитать кругов, оставленных после разлитых чашек с кофе.

– Марк, спать будешь здесь, – он указал на разобранный диван левой рукой, которая еле-еле поднялась из-за бесси-

лия её владельца. – Садись пока, поговорим.

– Может, спать пойдём? – старался уговорить я его, так как боялся спонтанных разговоров поздней ночью подшофе.

– Садись и приложи это куда следует, – он указал на пачку мороженого, которую он неизвестно когда вытащил из холодильника. Пока я шёл к столу с намерением приложить ледяное мороженое к переносице, Андрей спросил меня с нескрываемой улыбкой: – Сколько же тебе лет, Марк? Двенадцать?

– Семнадцать.

– По тебе видно, что ты шпана малолетняя, – продолжал он с ещё более ярко выраженной насмешкой, – как тебя только пустили в бар, не понимаю...

– Ты ненамного старше, – меня немного раздражал его надменный тон. Бесил.

– По мне, наверное, и не скажешь, что двадцать семь, да?

– Блять... – только и смог вымолвить я от неожиданности и ненадолго утих. Потом я всё же смог найти подходящие слова, чтобы подтрунить: – А сам-то выглядишь как малолетка!

– Не стану спорить... Работаешь где?

Ловко же он сменил тему.

– Работал. Грузчиком по ночам. Мебель таскал.

– А сейчас?

– Уже нет. Здоровье не выдерживало. То вывихну плечо, то ногу отдавлю, то простужусь на сквозняке где-нибудь. Не

ахти работёнка...

– А деньги нужны тебе?

– Сейчас очень нужны. А есть какие варианты?

– Кое-что есть, но это не для сопляков.

– С чего ты взял, что я сопляк? – возмутился я, что весьма сильно повысило мою самооценку в глазах Андрея.

– Может, и не сопляк, но ты явно не готов к реальным трудностям.

– Каким же?

– Давай поговорим об этом завтра, хорошо? Не уверен, что смогу донести до тебя сегодня – слишком пьян для этого.

Как бы ни заинтриговал он меня заработком, сложностями и всей этой таинственностью, я согласился подождать до завтра. Понятное дело, Андрей не готов довериться мне в первый же день.

Перед тем, как уже окончательно лечь спать, я решил выкурить сигаретку. Поскольку выйти на балкон было невозможно, мне пришлось подумать над альтернативным вариантом:

– Слушай, а куда покурить выйти можно?

– Иди на лестничную клетку, – ответил мне Андрей в полусне.

Когда я вышел, меня снова окутали воспоминания, которые хотелось заглушить весь сегодняшний вечер. Почему же я такой дурак? Даже не сопротивлялся, а сразу отпустил то, что было привязано ко мне все эти полгода. Неужели душа

моя настолько очерствела? Почему-то никогда я не привязывался к людям и легко мог отказаться от них, не ценил тех, кто разделял со мною весёлые и грустные моменты жизни. Хотя я долго жил с матерью, но легко разлучился с ней. Так же и с Настей: ночные прогулки под дождём, разговоры наедине о самом сокровенном, походы в кино... Я не испытываю к этому глубоких, будоражащих сердце чувств. Не только к людям, а, наверное, ко всему на свете я отношусь легко, не цепляюсь ни за прошлое, ни за будущее, ни за настоящее. Может, кто-то и позавидует моему отношению к жизни, но меня это всерьёз беспокоит, ведь я, как человек, должен что-то чувствовать, а не прикидываться.

Докуривая сигарету, я никак не ожидал встретить Андрея. Он вышел на лестничную клетку, когда моя сигарета почти потухла. Он подошёл и всмотрелся в моё лицо, после чего сказал:

- Что-то задумчивый ты какой-то...
- Разве? – я подавлял желание вести откровенную беседу.
- Тебе надо бы расслабиться. У меня есть к тебе одно заманчивое предложение.
- Удиви, – тут я на мгновение воодушевился.
- Одна моя знакомая сегодня ночью свободна, и я подумал, если ты всё ещё заморачиваешься на счёт девушки, то есть прекрасный способ перестать о ней думать.
- Ты под знакомой подразумеваешь...
- Именно, – подмигнув и улыбнувшись, он слегка коснул-

ся моего плеча.

– Звучит интересно, но денег, увы, по нулям.

– Это будет мой подарок в честь нашего знакомства, – ещё сильнее прежнего заулыбался мой новый друг. – Ну что, я ей набираю?

– Щедро, но постой... А как она, в общем...

– Офигенная соска! — Андрей отозвался о ней столь лестно, будто вспомнил свой любимый фильм детства. – Поверь, тебе понравится.

– Что ж, звони.

– Минут через тридцать будет здесь.

Андрей не надул меня, хотя я до последнего думал, а точнее надеялся, что он не всерьёз. Однако через тридцать минут раздался звонок в дверь, за которой и впрямь стояла рыжеволосая девочка по вызову. Ну, правда, назвать её девочкой при встрече язык не повернётся: на вид ей лет тридцать пять, а на деле, как уверил меня Андрей, ей вообще тридцать восемь. Открыв дверь, я долго не мог определиться, как правильно сказать: «входите» или «входи» – поэтому, когда мы встретились глазами, повисло неловкое молчание. Оно длилось секунд пятнадцать. В конце концов я приветливо улыбнулся и молча, с помощью жестов пригласил её в квартиру. Улыбнувшись мне в ответ, она ступила на порог, приблизилась ко мне вплотную, при этом аккуратно закинув свою руку мне на плечо, и нежно прошептала на ухо: «Спасибо, милый». Тогда-то и забегали по телу мои шаловливые мураш-

ки.

Оксана (так она представилась) сразу показалась мне девушкой опытной, способной расположить к себе любого мужчину и избавить от неуверенности. Но во мне сидело нечто большее, чем неуверенность, ведь помимо того, что я получал первый опыт с подобными жрицами наёмной любви, я ещё и впервые изменял своей девушке... которая, конечно, уже бывшая, поэтому изменой это не назовёшь, верно?

И тем не менее, будучи с Настей, я ни разу не позволил себе сходить налево. Такой я был верный и правильный... Бета-личность.

Когда Оксана пошла по направлению к спальне, которую мой новый друг мне выделил специально для такого случая, какая-то робость ещё сидела внутри меня. Мы уже почти уединились, как вдруг откуда ни возьмись выскочил Андрей, который, как я полагал, был давно в отключке.

– Здравствуй, дорогая!

– Ну привет-привет, – шутливо поприветствовала его Оксана. – Давно не виделись. Где же ты пропадал всё это время? Не писал мне, не звонил. Я же и обидеться могу...

– На меня? Обидеться?! – возмущённо отреагировал он. – После всего, что я для тебя сделал? Думай, прежде чем говорить такое... В общем, видишь моего приятеля позади тебя? – Андрей стал серьёзнее и перенаправил всю излучаемую глазами энергию на неё одну. – Его зовут Марк, и он просто

обязан оценить всё, на что ты способна, поняла меня? Деньги на столе, как всегда. На чай тоже оставил.

– Спасибо, пупсичик, – Оксана резко взяла меня за руку и утащила в спальню, закрыв за собой дверь. По каким-то неведомым причинам, она матюгнулась, а потом обратилась ко мне: – Слушай, дорогой, ты же не против, если я быстренько приму душ? А ты пока располагайся.

Я одобрительно кивнул ей, и она ушла в ванную комнату, в которую можно попасть только через спальню. Странно это всё. Вообще планировка этой квартиры вызывало дикое любопытство. Но сейчас всё-таки не до планировки.

Я разделся до трусов и уселся в кресло в ожидании головокружительного секса. Мучительный десятиминутный звук водяной струи, доносившийся из душевой, несколько утомлял, и мой пыл постепенно угасал. Я уже думал, не пойти ли присоединиться к ней, как дверца распахнулась и предо мной предстала Оксана во всей своей красе. Действительно, без одежды она куда симпатичнее. Ей даже идёт быть разде-той. Я уставился на неё как мальчишка на своё первое порновидео.

– Чего вылупился? – неожиданно строго заявила она, но потом сразу же смягчила тон. – Никогда не видел, что ли?

– Почему же? Видел, – уверил я её.

– Тогда харэ уже всматриваться и раздевайся, а то время зря теряешь, зайчик.

– Что, прям сразу? И никаких прелюдий?

– Оставь свои прелюдии для наивных юных подружек. Ты посмотри, мой хороший, сколько мне лет, какие уж там прелюдия...

– Но вы прекрасны.

– Малыш, ещё раз я услышу, что ты обращаешься ко мне на «вы» – и я тебе член выкручу... Давай уже приступим.

Так всегда: пытаешься подбодрить человека, а он ещё и недоволен. Хорошо, это и впрямь моя вина – девушки не любят, когда акцентируют внимание на их возрасте... даже проститутки.

Ну, а как там секс? Да, если честно, омерзительно. На протяжении сеанса стояла гробовая тишина: никто из нас не стоял, хотя причины тому разные. Предполагаю, что с её богатым опытом утратился весь энтузиазм, вся страсть. Для неё секс – работа, не приносящая никакого удовольствия. Меня же тревожили собственные мысли: я думал, насколько подло заниматься сексом с другой сразу после расставания с любимой девушкой. Настя, бедняжка, наверное, сидела и плакала, надеялась меня вернуть и искала предлоги для этого, пока я, наплевав на неё, развлекался со шлюхой. Когда осознаёшь, насколько ты гнусный пофигист, то становится неприятно. Вот только одна загвоздка: кроме меня, никто не изменит моё собственное отношение к жизни, а менять его я пока не собираюсь, да и не хочу. Странно об этом думать именно сейчас, пожалуй.

Пока на мне скакала тридцати-с-лишним-летняя женщи-

на, я никак не мог придумать тему для разговора, чтобы хоть как-то развеять пренеприятнейшую тишину. На ум пришла лишь одна мысль. Пока я менял позицию и старался отдышаться, спросил её:

– А какие сигареты предпочитаешь?

– Это сейчас очень важно? – спросила она в позе рака.

– Нет, просто...

– Ох, если бы мне ещё платили за беседы с клиентами...

Мальборо. Теперь доволен?

Мне оставалось лишь усмехнуться нелепостью диалога, возникшего в самый неподходящий момент. Увы, этот половой акт стал первым из тех, которые мне хотелось бы сразу и забыть. Сложно сравнивать с другими труженицами панели, но, по-моему, от всех них веет чувством равнодушия. Итог разочаровал моё представление о сексе за деньги окончательно.

– Я сейчас кончу, – предупредила она ни с того ни сего.

– А я нет! – с претензией заявил я.

Но куда уж тут до меня. Процесс необратим. В конечном счёте остался я без должного удовольствия. Оксана быстро убралась, оделась и удалилась, кинув мне всего-навсего искромётное «Прощай». Ясное дело: побежала к следующему клиенту. Зато забрать деньги, оставленные Андреем на столе, она успела. Мне же пришлось завершать начатое в туалете.

Когда ночная бабочка упорхнула, я заметил, что Андрей

уже спит на том диване, который приготовил для меня. Что ж, остаётся занять его спальню. За этот день многое произошло, и я очень устал. Укутавшись под одеяло, я мог бы легко заснуть, если бы не совершил одну мелочь, стоившую мне впоследствии бессонным остатком ночи и вновь нахлынувшими воспоминаниями: я взялся за телефон, чтобы взглянуть на время, и увидел сообщение:

«Не забудь забрать свои вещи из моей квартиры!» Настя

Глава 2. Настя

– Убирайся из моей жизни на-сов-сем! И не появляйся на моих глазах больше, умоляю... Ах, есть ли у нас чего выпить... Бля! Да нет же, нет больше «нас», Марк! Отныне есть ты, а есть я, уяснил? Ну что ты стоишь как вкопанный?! Иди! Проваливай!

Почему он посмотрел на меня, как на идиотку? Мудак. Разве я не по-русски изъяснялась? Хотя я не уверена, что этому барану понятен человеческий язык. И зачем я только начала встречаться с этим смазливый, бесчувственным существом? Ведь у него на лбу написано: «Мне на тебя наплевать» – так почему же он терпел столько месяцев? Мог просто сказать: «Ты меня не интересуешь. Давай расстанемся». Вместо этого пришлось полгода проверять наши чувства на прочность, чтобы в итоге всё свелось к столь предсказуемому финалу. Вроде любого фильма, концовка которого настолько предсказуема, что ты угадываешь её с первых же минут, но, чтобы убедиться в своей правоте, мучительно ждёшь несколько часов развязки. В моём случае месяцев. Браво! Десять из десяти!

Впрочем, чего можно было ожидать от первых серьёзных отношений? Да, детка, твои первые нормальные отношения

начались только тогда, когда тебе стукнуло семнадцать. Но, рано или поздно, все проходят через это, верно? Рано или поздно... Как же мне хотелось вмазать этой гниде в переносицу...

Ура, Марк, ты догадался уйти! Я-то думала, что ты ждёшь волшебного пинка под зад... Ах да, выпить. Где-то на кухне в шкафу припаслось кое-что интересненькое. Странно, что за всё это время, мы с Марком почти не пили алкоголь дома. Теперь же мне не хватало его больше всего на свете... Я про алкоголь, разумеется.

Ага, нашла. Стоял закупоренный прямо в шкафу. Мой друг, мой идеал, мой мартини. Как же высоко за ним тянуть-ся. Ещё чуть-чуть... «Марк, гнида, чтоб ты сдох!» Бутылка буквально выскользнула из моих рук и разбилась. Какое невезенье. Пришлось ещё и убираться...

Наверное, это всё карма. А как ещё объяснить столько неудач за последние несколько часов? Выгнала парня, поругалась с лучшими друзьями, а теперь ещё и бутылка. Не скажу, что я любительница выпить, но время от времени меня прям настигает резкое желание напиться. Возможно, хоть здесь мы с Марком похожи: наверняка он направлялся в ближайшую рюмочную с единственной целью – надрызгаться в хлам. Кстати, он же малолетка: он не смог бы зайти в первое попавшееся заведение и попросить алкоголь. Хотя, зная

Марка, он, конечно, всё равно найдёт способ. Хорошо, что у меня подобных проблем не возникает: зашла в любой супер-маркет, предъявила паспорт, и вождеденный напиток твой, ведь с недавних пор мне исполнилось восемнадцать.

Собственно, если и говорить о неудачниках, то я ничто по сравнению с Марком. Он неудачник в квадрате! Что там говорить о покупке алкоголя, если даже в кино на фильм со взрослым рейтингом с ним сходить нельзя. Его просто-напросто не пропускают. До этого момента я никогда не задумывалась о том, насколько дискомфортно для девушки иметь парня моложе себя самой или ещё хуже – несовершеннолетнего. Ведь кроме того, что строить из себя крутых, эти молокососы ничего не могут! Их проблемы решают родители, их свобода ограничивается государством, их жизнь – сплошное притеснение. А каково девушке в такой ситуации? Когда мне было семнадцать, то есть пару месяцев назад, мы жили в жёстких рамках, где взрослые повсюду твердили: «Нельзя, нельзя, нельзя». Закон запрещает это. Закон запрещает то. От всех этих правил аж блевать тянуло.

Но к чему я веду? За несколько минут переосмыслив принципы жизни и осознав, что расставание с Марком – всего-навсего предначертанная и непреодолимая вещь, я решила погубить в себе тоску и все мысли одним единственным способом. Дурь. Эта гениальная идея пришла ко мне,

пока я убирала осколки разбитой бутылки из-под мартини с пола. Мне показалось, что наилучший выход из реальности, где на меня давит столько негативной энергии, – это хорошенько курнуть гашика.

В мгновение ока я написала своей подруге, Кате, которая, по-моему, уже несколько лет спец по этой теме, и она, конечно же, ответила, что всё достанет. Ей нужны были только деньги, немного времени и совместный «дайв». Между нами любой юзыч препарата, от которого штырит, называется дайвом. На моё удивление, спустя десять минут раздался звонок в дверь, и за ней уже стояла Катя. Стоит сказать, что живёт она напротив моего дома, но последние полгода мы очень редко виделись: я гуляла с парнем, а она в компаниях, где обычно человек по двадцать.

– Катерина, вы чего? – спрашивала я, глядя на её озабоченную физиономию.

– Чего-чего? Вместе поедем брать, – серьёзно проговорила Катя, будто час назад не я рассталась с парнем, а она. Впрочем, какой может быть у неё парень, при её-то гулянках. В её компашках почти все – парни. Я считала её потаскухой ещё тогда, когда мы гуляли вместе, и она делилась со мною своими секретами пару раз в неделю. Предполагаю, какое прозвище дала Катьке мужская половина населения нашего района, чаще видя её голой, чем одетой.

Присев на диван, Катя взяла в руки свой смартфон, на котором трещин было столько, что едва можно было разгля-

деть изображение на экране.

– У кого берём? – поинтересовалась я.

– У знакомого моего... – она на мгновение бросила взгляд в мою сторону, после чего снова уткнулась в экран. – Подожди.

– Кать, мы не виделись с тобой несколько месяцев, если не больше, а не общались целую вечность, а ты даже не посмотришь на меня? – похоже моё плохое настроение всё-таки дало о себе знать. – Что с тобой?

– Что со мной?! А с тобой чего? За те полгода, что ты общалась с этим придурком, ты ни разу мне не написала. Я только видела ваши совместные фотки в инсте. Какая же ты была тупая хэнца. Я думала, что подруги должны оставаться подругами даже когда у них появляется кто-то ещё...

– Ты ждёшь от меня извинений?

– Я хочу, чтобы всё стало, как прежде, Насть!

– Так теперь и будет... Думаешь, я забыла, как мы отрывались раньше? Хорошей Насти не на долго хватило...

– Так, мне написали.

– Ну что?

– Через час. Поедем в центр.

– В центре, серьёзно? Ладно, хер с ним, помчали.

В два часа ночи метро уже закрыто, а автобусы курсируют с часовым интервалом, причём делают крюк ещё в несколько километров. Пришлось бы вызвать такси и прилично потратиться на поездку. Конечно, тарифы в городе поднялись

до небывалых высот, однако меня это мало тревожило: мои родители неплохо зарабатывают. Такова жизнь: пока кто-то сводит концы с концами, экономит на сущей ерунде, копит на какие-нибудь жизненно необходимые вещи, другие выбирают, какое платье надеть. Дорогое или очень дорогое? Но дело не в чванстве или сибаритстве – не в этих заумных словечках, которые я узнала от сраных интеллигентов в частной школе – а в том образе жизни, что мне привили в детстве, когда растили истинную леди. Начнём с того, что я не вытягивала при рождении карточку семьи, в которой буду жить, поэтому, оказавшись с малых лет в окружении заботливых предков и преподавателей, я росла словно принцесса Англии, ей богу! Быть дома не позже девяти, ужин по расписанию, не разговаривать за столом, обращаться со всеми вежливо и миллион подобных правил... В конце концов, я поставила перед родителями ультиматум: либо я начинаю вести самостоятельную жизнь со своими правилами, либо же завтра вечером поминайте, как звали, так как я навсегда уйду из дома. Естественно, предки были в шоке, но после продолжительной словесной перепалки мы договорились: мне дают абсолютную свободу, если я налажу свою личную жизнь в одиночку. В понимании родителей это означало не повзрослеть и иметь какой-нибудь план действий, а конкретно остепениться, выйти замуж и родить наследников. Ёбаных наследников, прикиньте! Чтобы внести немного ясности в происходящее, объясню: на тот момент мне было всего пятнадцать.

Я хотела хотя бы завести лучших друзей, расширить свои интересы, постичь что-нибудь новое, по-настоящему полюбить, наконец. А мне предлагают в пятнадцать уже остепениться!

Однако родители были настроены серьёзно: уже в шестнадцать они попросили меня выбрать специальность, на которую я пойду учиться после школы. В семнадцать они купили мне квартиру, чтобы я жила отдельно. В восемнадцать – оплатили обучение в местном престижном университете, а ещё подарили нам с Марком трёхнедельную путёвку на Ибицу, где мы жили вдвоём без всякого надзора. Видимо, их планы на меня и по сей день грандиозные. Но, приняв условие, они упустили одну ключевую деталь: меня перестали контролировать, а значит, позволили мне буквально всё, что не позволялось ранее.

Тогда, будучи пятнадцатилетним подростком, я мало понимала жизнь. Я считала, что мир устроен просто и легко, да к тому же вертится вокруг меня одной, поэтому не задумывалась о тех сложностях, что подстерегают на каждом шагу. Но, отказавшись от своих мнимых друзей, – сверстников, которые были столь же избалованы, только, в отличие от меня, этого не сознавали – я выбрала своё окружение. Да, у них не было заранее купленных отцами дорогих тачек, они не отрывались в клубах, где одна лишь выпивка стоит столько же, сколько и месячная зарплата учителя средней школы, им не подтирали слюнки фартучком, и потому мне эти люди нра-

вились. Разумеется, их идеалы, мечты, образ жизни многие бы назвали примитивными, но меня это устраивало, ведь я наконец-то обрела что-то в жизни самостоятельно. Мои новые друзья не стеснялись прямых высказываний, любили пошутить, пошутить, и тем не менее их чувства были неподдельными, а этого как раз-таки и не хватало.

Вскоре я познакомилась с Катей, и уж она показала мне сполна обратную сторону медали, о существовании которой я даже не догадывалась. Похождения по заброшкам и закрытым крышам, алкоголь, наркота, секс – всего за несколько лет моя жизнь кардинально изменилась, причём объективно не в лучшую сторону. И вскоре я это начала понимать. Лишь в семнадцать я образумилась, стала спокойнее, тише. Тогда-то и захотелось, чтобы ко мне относились не как к давалке, а как к девушке, имеющей свои права. Конечно, немаловажную роль в поиске себя сыграли родители: они, отдалённо наблюдая за мной последние годы, в открытую называли меня шлюхой, и на то у них были основания, ведь за те два года у меня сменилось около тридцати парней, но ни с кем мне не удалось построить нормальных отношений. Этих глупых мальчишек интересовало лишь то, дам я им или нет. А я, представьте себе, давала направо и налево. Причём, очевидно, что они велись за моей внешностью и ветреным темпераментом, но мне на каждого из них, в сущности, было наплевать. Я настолько безразлично относилась к ухажёрам, что не стеснялась называть размер их члена во время поси-

делок в больших компаниях. Это было весело. И глупо. Но одного человека я всё же полюбила...

С Марком мы познакомились спонтанно: на одной из вечеринок наших общих знакомых. Помню, как он долго шептался в стороне с друзьями, глядя в мою сторону. Они все держались очень высокомерно и посмеивались втихоря. Все, кроме него. Марк вёл себя в компании достойно, или, по крайней мере, не вызывающе. Это и привлекло меня. Я сама подошла к нему в разгар всеобщей попойки и познакомилась. Пока мы общались друг с другом, он неуверенно разглядывал мою фигуру с ног до головы. Этот подлец был далеко не такой простачок, каким казался изначально, а вся его скромность, как впоследствии выяснилось, – лишь попытка возбудить моё любопытство. Круто он обвёл меня вокруг пальцев! Но поняла свой просчёт я только сейчас – тогда же весь мир показался вдруг таким прекрасным и нежным, что хотелось остановить время. При нашем первом знакомстве на глазах Марка не читался мотив, соответствующий моим бывшим воздыхателям, – в них светился искромётный блеск, неспешно перераставший в перманентное пламя. Именно это мечтательные персоны назвали бы любовью с первого взгляда, хотя так ведь оно и было. Мы легко могли найти тему для разговоров, поделиться любой сокровенной тайной, помочь, не требуя ничего взамен. Наконец, я поняла, что нашла человека, не считавшегося с мнением толпы, способного мыслить чисто и открыто, а делать трудолюбиво

и безвозмездно. Он был мне нужен. Я была нужна ему...

– НАСТЬ, ТЫ ТАМ ЧТО, СДОХЛА? – раздался громогласный ор моей подруги, вытолкнувший меня из приятных моментов прошлого в суровую, губительную действительность, где вместо балов, коронаций и принца на белом коне наркотики да разбитый мартини. Добро пожаловать в реальный мир!

Взяв первую попавшуюся вещь, я нацепила её на себя и вышла в прихожую, где Катя ждала меня в нетерпении около входной двери. Как собака хочет поскорее выбежать на улицу, так и Катя хотела побыстрее добраться до центра, чтобы получить заветный стафф. Но, посмотрев на меня, она передумала.

– Ты что, серьёзно в этом пойдёшь? Что за зашквар? – удивилась она, широко выпучив глаза.

– А что ты имеешь против платья?

– Мы идём за травой. В два часа ночи. По улице... Ты хоть в курсе, что я не пойду на твои похороны? Иди живо переодевайся.

Её совет показался весьма дельным, поэтому я без раздумий надела что попроще: толстовку, джинсы и кроссовки – в этом мне точно не следует ничего бояться.

Как и планировалось, мы взяли такси. Машина подъехала прямо к подъезду. Оставалось лишь сесть и отправиться в лесопарк, расположенный где-то в центре города.

Вообще, мне нравится заказывать премиум-такси. Я про-

бовала и эконом, но от потных нерусских водил меня воротит. Бывают и русские, но, увы, очень редко. Да и те далеко не денди и эсквайры. Я не люблю всяких азиатов, потому что не понимаю их и не выношу их мерзкого запаха. Как-то раз мне попался один. Большой такой. Он прирос к креслу, которое прогнулось под его внушительным весом, и крутил руль с такой силой, что я молилась, как бы он не оторвался.

Теперь, сидя на мягком переднем сиденье вместе с молодым усатым шофёром, вдыхая нежнейший аромат жасмина и мускуса, которым пропитан салон автомобиля, и слушая тихие джазовые мелодии по радио, я совсем не замечала вещи по ту сторону бокового стекла, куда устремлялся мой взгляд во время поездки. Всё становилось таким потусторонним. Как кто-то в почти непроглядной темноте откручивает номера у внедорожника, как пьяный мужчина, выходя из продуктового магазина с пакетом, доверху набитым стеклянными бутылками пива, рвёт днище и разбивает половину содержимого; как подростки, собравшиеся около спортивной коробки во дворе, пинают вовсе не мяч, а какого-то невинного слабака.

На проезжей части ещё хуже: спорткар пронёсся на красный сигнал светофора и чуть не сбил пожилую женщину, проходившую по пешеходному переходу. На следующем перекрёстке авария: искорёженный мотоцикл лежал под колёсами большегруза. Повсюду валялись мелкие кусочки битого стекла и пластика, а рядом с мотоциклом виднелись неболь-

шие лужицы крови. Рядом стояли полицейские вместе с зеваками и очевидцами. Немного поодаль от места происшествия на корточках сидела женщина, прикрывшая руками лицо. Вокруг неё тоже собрались равнодушные. Видно было, как уже отъехала карета скорой помощи. Её оглушительный вой сирены ещё долго не переставал звучать у меня в голове. Уже почти подъехав к центру, я заметила девушку в короткой юбке, стоявшую на обочине со скрещенными руками и ногами. Пока мы ждали стрелки на светофоре, к ней подкатил зелёный жигуль. Поговорив с водителем буквально несколько секунд, она села в машину, и та попердела дальше. Мы же, дождавшись стрелки, повернули направо.

Всё это время никто из нас не произнёс ни слова. Катя сидела сзади в наушниках и вряд ли думала о чём-то важном. Такой вывод я сделала, когда расслышала рэп в её наушниках, который иногда звучал даже громче, чем джаз из колонок такси. А разве можно рассуждать о чём-нибудь серьёзном, одновременно слушая русский рэп? Думаю, что рэп и рассудок несовместимы. В отличие от джаза. Джаз – это настоящая музыка.

Мы приехали в центр в половине четвёртого утра. Расплатившись кредиткой за поездку, мы с Катей пошли в сторону знаменитой смотровой площадки. Вид оттуда, не дам соврать, очаровательный: солнце слегка просачивалось сквозь тёмную пелену, пока мегаполис медленно просыпался и тушил многотысячные источники света. И хотя мои веки сли-

пались из-за недосыпа, я смогла уловить этот умопомрачительный пейзаж, запечатлеть его на камеру и выложить у себя в сториз, а заодно заблокировать аккаунт Марка.

Больше тратить время даже на такую красоту нам было некогда. Дело оставалось за малым: встретиться с человеком и забрать товар. Катя созвонилась с курьером и затем неуверенно произнесла, указывая на небольшой участок густого леса, склонявшегося под нашими ногами:

– Слышь, ваниль, нам туда.

– Что ж, надеюсь, это того стоит...

– Поверь, стоит, – обнадёжила меня подруга.

Когда мы зашли в лес, нас объяли холод и темнота. Следуя по узкой тропинке, мы вздрагивали от любого шороха, будь то хрустнувшая ветка или птичий крик. С каждым шагом мне становилось не по себе, потому что скоро ровная тропа превратилась в извилистую, пологую стёжку-дорожку, которая не предвещала ничего хорошего. Пока Катя усердно переписывалась с курьером, я тщательно смотрела под ноги, чтобы не спотыкнуться. Вдруг послышался громкий пугающий свист. Мы резко повернулись и увидели четверых пьяных кавказцев, волочившихся нам на встречу. Кто бы мог подумать, что мы встрянем в такую западню. Пока они находились метрах в пятидесяти от нас, мы могли бы убежать, но, увы, настолько растерялись, что встали как вкопанные. Не в силах что-либо предпринять, мы молча смотрели, как кавказцы топают разрозненным шагом в нашу сторону, ух-

мыляясь и одним только видом буквально приказывая стоять на месте. Они подошли к нам вплотную и начали не самый приятный разговор:

– Эй, красавицы, что вы тут делаете так поздно, а? – спросил один из них, видимо, самый смелый и агрессивный из всей четвёрки.

– Да мы уже уходим домой, извините, – тактично постаралась я избежать дальнейшей беседы и уже взяла Катю за руку с намерением выбираться, как тот, что обратился к нам, взял за руку меня.

– Может, вам такси вызвать, а? – сказал он вроде бы заботливо, но я то знала, что за этой заботой скрывалось безотказное предложение поехать к ним.

Остальные с довольными физиономиями поддакнули ему, очевидно намекая на что-то пошлое.

Я уже собиралась дать первому со всего размаху в пах, не боясь дальнейших последствий, как вдруг все услышали громкий мужской голос. На моё счастье трезвый и славянский:

– У них уже есть компания на сегодня!

Нечего было и гадать. Это долгожданный курьер, которому, наверное, я уже благодарна до гробовой доски.

Парень, лет 23-25, уверенно приближался к нам. Пьяный мужик отпустил руку, и мы с Катей пошли навстречу курьеру. Кавказцы, не до конца понимая ситуацию, посмотрели и пошли дальше. Лишь один из них, маленького роста в ша-

почке и спортивках сказал:

– Вы поосторожней в следующий раз, девушки. Поздно одни не ходите. Мало ли, какие люди попадутся...

Да, ещё чуть-чуть и этот день действительно стал бы для меня роковым. Однако, обошлось.

Глядя вплотную на накаченного парня в футболке, обтягивавшей его тело так, что было отчётливо видно его сосцы, я поняла, как в моих грёзах выглядел бы идеал. Единственный спорный нюанс – его громоздкая татуировка змеи на шее. В остальном же он был просто космос.

– Паша, ты и не представляешь, как выручил нас сейчас...
– обратилась к нему приходившая в себя Катя.

– Почему же? Представляю, – ответил аполлон, слегка улыбаясь и поглядывая в мою сторону. – Давайте отойдём немного подальше от дороги.

Мы прошли ещё чуть дальше и остановились около одного из деревьев. Затем рука этого Паши с выпиравшими, словно стальные прутья, венами положила спортивную сумку, которую несла до этого, на землю.

– Нам нужно что-нибудь пожётче, Паш, – уточняла моя подруга, всматриваясь в содержимое сумки, где лежали бутылка с водой, какие-то рукописи, футболка с надписью «2 Рус» и бейсболка. – Кстати, о какой проблемке ты мне писал пару минут назад.

– В этом всё и дело, – торопливо и ритмично начал отвечать Паша. – Того, чего вы хотите, сейчас нет в обороте. Ла-

вочку прикрыли на время. Менты сейчас перекрывают наши ходы раз за разом, поэтому мы не рискуем с поставками... Но кое-что я прихватил. – Он достал небольшой завёрнутый в фольгу кусочек.

– Что за сорт? – поинтересовалась я.

– Это марокканский, чистый. Сейчас только с ним проблем не возникает. Но поверь: если заварить много, то кроет он знатно.

– Звучит заманчиво, – сказала Катя, чуть ли не облизываясь, и взяла товар. – На, держи лавэ, спасатель.

Паша взял деньги и закрыл сумку.

– Давно же я ничего о тебе не слышал, – обратился он к Кате. – Когда-то ты конкретно сидела на всём этом, а последние полгода о тебе ни слуху, ни духу...

– Да, тогда мы с Настей много чего мутили, – ответила она. – Потом перестали. А теперь снова в строю, как говорится.

– А я где-то тебя видел, не так ли? – спросил Паша, посмотрев на меня вкрадчиво.

– Возможно... – я скромно посмеялась, всё ещё продолжая пялиться на его руки и остальные части тела так, будто парень ушёл от меня не пару часов, а несколько лет назад.

– Что ж, созвонимся, если жизнь наскучит, – едва заметно подмигнув, намекнул он нам. – В следующий раз будьте осторожны, а то наткнётесь на кого-нибудь понаглее, и тогда меня уже не будет поблизости. Хорошо, что вы хоть платье

не напялили.

С этими последними словами он и исчез, а вместе с ним исчезли и самые лучшие секунды моей жизни. Хотя я осознавала, что скоро начнутся намного лучше...

Мы вернулись ко мне домой в начале пятого или шестого утра. Не сказала бы, что хотелось спать. Скорее, наоборот, спать хотелось меньше всего, потому что, засыпая, я всегда о чём-то думаю, а чего бы мне точно не хотелось сегодня, так это думать. Сколько размышлений происходит в голове перед сном и представить сложно: мозг как будто кто-то хлещет плетью, и он производит в голове очертания лиц знакомых людей, места и целые сцены. Как бы я хотела избавиться от всего этого на какое-то время. Не думать, а просто жить. Кое-что сейчас мне в этом поможет: марокканский сорт, купленный у Паши. Да, плохая Настя вернулась.

Мы взяли всё необходимое: пустая пластиковая бутылка объёмом примерно 0,5 литра, зажигалка, сигарета (хорошо, что Катя курит), и, конечно, сам кусочек нашей прелести.

Что потом? Готовка. Затяг. Ожидание. Веселье. Повторение процедуры.

Когда ты под кайфом, тебе кажется, что мир стал в миллионы раз проще. Вот он: без заморочек, убийств, смертей, болезней, катастроф, нищеты, голода и прочего. Единственная вещь, которая тебя беспокоит, – это как открыть пачку печенья, потому что пальцы тебя нисколько не слушаются. Они вроде есть, но только они уже не твои. Будто бы живут

сами по себе... Только сосредотачиваешь взгляд на пальцах, как они начинают расти. Ты смотришь на это и поражаешься невообразимости происходящего, а потом безудержно смеёшься. Катя спросила, над чем я хохочу, а я ответила: «У меня пальцы растут» – после чего мы обе взрывались от смеха ещё сильнее.

Пальцы. Пальцы – лишь пол беды. Вокруг творится абсолютная ахиня: квартира крутится вокруг, словно находишься в сферическом пространстве, а центробежная сила то и дело сталкивает твоё тело с очередной стеной. Пересчитав все углы, ты ложишься на диван, и кажется, что плоть уже не имеет значения – важно лишь астральное тело, порхающее бабочкой по периметру квартиры. Взмах, взмах, взмах, поворот. Взмах, взмах, взмах, поворот. Взмах, взмах...

Поворачиваешь голову на бок и пялишься на мольберт, стоящий в углу комнаты. Залипаешь на собственные картины, которые рисовала краской до посинения. Единственное, что ценят мои родители – как я рисую. Единственное, за что хвалят – с каким пристрастием я интересуюсь живописью. На моей могилке они это и выскребут, скорее всего.

Между тем Катя искала, чем бы поживиться в холодильнике. Звук, с которым она его закрывала, напомнил одновременно все пересмотренные фильмы ужасов. Но нет, я не испугалась, а скорее встревожилась. Что если Фредди Крюгер пожелал бы расправиться с нами? Он мог бы легко выпрыгнуть из холодильника и своими ножами сделать из моей

подруги винегрет. Представляю льющиеся кровавые фонтаны, забрызгивающие стены, пол, потолок и моё нежное, пре-
красное, утончённое личико...

– Кать, а я красивая?

– Слишком, – ответила она с укором.

– Значит, быть красивой плохо?

– Красивой быть неплохо. Плохо быть совершенством. А ты тян просто топчик.

Создавалось ощущение, что каждый наш разговор, каждое размышление – полный бред. Впрочем, Катя всегда выражалась непонятно. Понабрала с улицы всяких словечек. Чтобы погубить в себе последние остатки рационального мышления, мы решили «взрывать» дальше...

А что если потолок не потолок вовсе? Я лежала на дорогом кожаном диване. Мои глаза смыкались под тяжестью век, а тело находилось в прострации. Вокруг были разбросаны бутылки из-под мартини вместе с опустошёнными пачками чипсов, которые мы купили неведомо где и когда. Откуда-то слегка доносилась музыка... Ах, это всего лишь севшая за синтезатор Катя, тщетно наигрывавшая «Собачий вальс». Спокойствие. Умиротворение. Блаженство. Звук синтезатора.

Рингтон мобильного. Я попыталась поднять свою руку, чтобы достать из кармана звонивший телефон. Это не так просто. Моя кисть уже почти дотронулась до домашних шортиков, потом полезла дальше в карман, обхватила лежавший

внутри телефон, сжала его и вынула. Это отец.

Родители позванивали мне иногда, чтобы спросить, как дела. В этот раз и слово произнести казалось для меня непосильной задачей, поэтому я сбросила звонок, чтобы перезвонить на следующий день.

Собственно, о чём я? Ах, да! Глядя на потолок и слушая фальшивое звучание синтезатора, я думала, что мир перевернулся вверх дном. Словно я смотрела на потолок с люстрой свысока. Выраставшие древовидные лампочки озаряли комнату, и мне казалось, что совсем скоро я упаду прямоком на это хрустальный бурелом. Страшно, ведь я всегда боялась высоты. Меня пугал не столько момент падения, сколько та доля секунды, когда тело превращается в отбивную, и ты испытываешь адскую боль. А всё-таки интересно, страшно ли, когда уже находишься в падении? Или адреналин вырабатывается на полную катушку, и ты не в состоянии ни о чём думать, а только пролистываешь свою жизнь. Или не пролистываешь?

Был случай, когда меня чуть не сбила машина, но вся моя жизнь не пролетела перед глазами, как обычно люди склонны говорить. Происшествие разве что ввело меня в ступор, но уж точно не заставило мою память производить ярчайшие события со скоростью 96 кадров в секунду.

Тогда, что чувствует человек во время падения, допустим, с небоскрёба? Время свободного падения где-то десять секунд. За это время я, к примеру, успеваю открыть входную

дверь в квартиру, запертую на два замка. За это время я могу помыть руки. Пока я делаю эти вещи, я мало о чём задумываюсь. Может, нечто мимолётное и успеваешь поселиться в сознании, но слишком быстро улечивается.

Хорошо, я падаю с самолёта. Падение займёт секунд тридцать. Или даже несколько минут. За такой интервал многое успеваешь в жизни: причесаться, надеть нижнее бельё, сделать набросок и много-много чего ещё. Когда занимаешься этими делами, в голове действительно способно родиться множество мыслей.

Но когда перед тобой земная плоскость, к которой ты неминуемо стремишься с бешеной скоростью, то ни о чём думать не приходится. Во время свободного падения человек заморожен окружающим миром и не может сосредоточиться.

Помню, как в детстве я пошла прыгать на батуты, и во время одного из прыжков перевернулась, падая вниз головой. За ту долю секунды, что я падала, меня охватил дикий ужас. Я испугалась того, что мой позвоночник сломается пополам, как спичка. К счастью, повезло. Но когда находишься в воздухе без шансов на выживание, ощущаешь ли тот же дикий ужас? Разве не проникает в сознание падающего что-то поистине грандиозное и невероятное, какое-нибудь озарение?

– Кать, а что чувствует человек, когда падает с крыши?

Как будто бы она знала.

– Гравитацию.

– Чего?

– Забей.

Рингтон мобильного. Снова звонил отец. Наверное, теперь стоило ответить, иначе он заявился бы ко мне домой.

– Алло? – сказала я голосом из иного измерения.

– Настя, что за дела? – холодно и монотонно, но в то же время строго проговорил голос в трубке.

– Чего?

– Привет, говорю, как дела?...

– Ой, привет, папа. Всё замечательно! – попыталась выговорить «замечательно», но язык мой – враг мой. Особенно под кайфом.

– Что с твоим голосом?

– А что с ним? – я изобразила сомнение, но опять-таки безуспешно. Мой отец – человек проницательный.

– Что случилось, Насть? Всё в порядке?

– Да, конечно. А почему должно быть иначе?

– Вот и я так думаю. Надеюсь, ты не против, если мы с мамой заедем к тебе? – я попыталась сконцентрироваться на вопросе и осознать его. Что-то подсказывало мне, что было не лучшее время для посещений.

– Давайте в следующий раз. Нас с Марком нет дома...

– У нас есть ключи, не переживай. Нам всё равно кое-что необходимо забрать оттуда... – За что мне такое наказание? Что мне им следовало сказать? Что дома не прибрано? Что он сгорел? Не представляете, как тяжело обмозговывать си-

туацию, когда ты одновременно залипаешь на свет.

– Что именно вам надо забрать?

– Кое-какие документы по твоей учёбе.

– Зачем?

– Это пока секрет.

– Давайте, я вынесу их вам...

– Откуда? – Мой мозг оцепенел. Он не подавал никаких признаков жизни. Тук-тук. Войдите. Здравствуйте. До свидания.

Я поглядела на Катю. Она безмолвно наблюдала за моими застывшими глазами.

– Алло?

Бросив трубку, я начала рассчитывать приблизительное время приезда моих родителей. Если они ехали из своей квартиры, то добираться им минут десять. Если они уже на полпути, то оставалось пять минут. Простая математика: за пять минут я успела бы подняться в вертикальное положение, умыться, причесаться... В общем, это всё, что я успела бы сделать.

Коридоры комнаты раздваивались, становились длиннее, выше, чем на самом деле. Звуки ещё чётче: я слышала собственные шаги так, будто пересматривала очередную серию «Кошмара на улице Вязов». Фредди прямо-таки следовал за мной по пятам. И почему он до сих пор не убил меня?

Спустя несколько оборотов Земли вокруг Солнца я, наконец, додумалась предупредить Катю, что мои родители будут

здесь через нескольких минут! Даже предположить боюсь, как она восприняла мою невнятную фразу, но какой-то клапан в её голове включился моментально, и она начала убирать валявшийся повсюду мусор. Я тоже пыталась прибраться, но вскоре поняла, что у меня не получается даже взять лежащую на полу пустую бутылку. Поэтому я направилась в сторону ванной комнаты, чтобы постараться принять более-менее приличный вид.

Ох, и сложен был путь, где нескончаемые повороты, жидкий пол и двигавшиеся стены задерживали каждый шаг. Пройдя все круги ада, я, наконец, добралась до раковины и умывальника. Отражение в зеркале искажало реальность: я вообще не могла понять, что за человек стоял напротив. Вроде бы лицо знакомое, но складывалось ощущение, что не я смотрела в это отражение, а оно на меня. Кстати, а где спрятался Фредди?

Звонок в дверь. Неужели сбылось желание, и человек с железными когтями решил избавить меня от мучений до того, как родители узнают о произошедшем? Подбежав к двери, я начала пристально вглядываться в замочную скважину, в которую, после трёх продолжительных звонков вонзился ключ. За открывшейся дверью стояли родители – точно такие же, какими я лицезрела их несколько недель назад. Отец в джинсах и пиджаке. Мать с изящной дамской сумочкой, в офисных женских брюках и белой рубашке. В коридоре,

похоже, стояли чемоданы. Они что, куда-то собирались улететь?

– Анастасия!?! – со свойственной высокопарностью завопила мать, словно сирена во время бомбардировки. – Что с тобой такое? Николай, взгляните на свою дочь! На что, извините, она похожа?

В каком виде застали меня родители? Представьте девушку с длинными растрёпанными волосами, опухшим лицом, краснющими глазами и бутылкой из-под мартини в правой руке. А ещё короткие домашние шортики, загаженные чипсами и шоколадом. А на теле первая попавшаяся под руку футболка (это была футболка Марка), которая мне, разумеется, велика. Видок отнюдь не в ленту инстаграма.

– Настя, где этот ублюдок?! – отец всегда выражался понятно и без лишней напыщенности, но при этом, к сожалению, громче матери. – Где эта мразь, я ему сейчас шкуру сниму! Обещали же вести себя, как адекватные люди, а бухаете как свиньи...

– Можешь его не искать, пап! – закричала я, что есть мочи, пока отец носился по квартире в поисках Марка. Он не успел найти даже Катю, спрятавшуюся в туалете. – Его тут нет. Мы расстались! Он не мой человек...

– И ДАЛЬШЕ ЧТО?! – ещё громче рявкнул отец. – Всё? Жизнь закончилась?! Напейся и помирай? Какого хера ты здесь устроила, а? Я спрашиваю, что за гадюшник ты устроила в квартире, а?!

– Не дави так на девочку, ты видишь, что она плачет? – мама сжалилась надо мной, но это не подействовало.

– А то, что она вернулась в то же самое состояние, в котором была всего год назад, это нормально?! Сколько мы с тобой, Лена, сил потратили, чтобы воспитать из этой бестолочи что-нибудь стоящее... Ан-нет, пила с друзьями, трахалась где попало, баловалась наркотиками на стройке... Таковую жизнь мы для тебя хотели, дочь? ТАКУЮ? Ни капли уважения... Что ты хнычешь? Ты ведь счастлива была, разве нет? Разве нет?! Рассказывала нам, как любила его. Что мальчик хороший, добросовестный... Но даже с ним у тебя нихера не вышло!... Снова пьянки, снова все мысли наизнанку. Дура... В общем, ты помнишь, что ты обещала? Ты помнишь, что держала слово? Говорила: «Никогда больше это не повторится, пап» ... Пустые слова это были, дочь... В общем, я думаю, мать согласится, если мы тебя заберём обратно жить к себе... Найдём тебе работу, снова начнёшь ходить в университет – по тебе там все безумно соскучились... Ну, а если и тогда себя не оправдаешь... Уж не знаю...

– Никуда я с вами не пойду! Мне наплевать, что вы решили, но хватит вмешиваться в мою жизнь. Стыдно за меня, так другую найдите себе и лепите из неё, что вздумается. Что привязались-то? Я не могу так, пап. Я жить хочу. По-своему, понимаешь?

– ТВОЯ ЖИЗНЬ?! Многое ли ты понимаешь в жизни? Хочешь навсегда остаться алкоголичкой, наркоманкой,

шлюхой, так и будь ею! От меня же помощи не жди, ясно?!

– Коля, но зачем эта резкость? Ведь она ещё ребёнок...

– Не ребёнок она уже... «Взрослая жизнь» у неё! Своя! И проблемы свои – пусть их сама и решает. Запивает их водкой, занюхивает коксом или чем там у них принято... Устал я смотреть на это всё... Не жди от меня денег больше. Со-
всем. Вздумаешь позвонить – даже трубку не возьму.

– Да и не надо мне... Думаешь, я зависеть постоянно от кого-то буду? Я, по-твоему, несамостоятельная, да?

– Живи, как хочешь... Лена, пойдём...

– Документы-то взял? – холодно спросила мать, опустив голову.

– Да не полетим мы никуда!

– Возьми документы всё равно...

Отец прошагал в обуви до тумбочки, открыл верхний ящик, молча взял мои документы и ушёл вслед за мамой, не попрощавшись. Мне было уже наплевать, с какой целью они приехали.

Да, мы расстались на неприятной ноте, хотя довольно закономерной для этого идиотского дня. Но ничего страшного не случилось – просто давно сидевшие внутри эмоции родителей, а точнее отца, наконец, выплеснулись на меня. Его можно понять: я совершенно не тот человек, которого они хотели бы видеть, воспитывая меня принцессой. Тем не менее принцессой быть мне не суждено – меня влечёт к иному, плебейскому, а не королевскому образу жизни. Мы же не всё

способны изменить, хоть и стараемся. Есть вещи нам неподвластные. Лично мне не подвластна собственная натура.

Как-то с Марком мы разговаривали о чём-то схожем. Блять, опять этот Марк... Ладно. Он, этот нахал, говорил, что жизнь дана для того, чтобы идти по одной единственной дороге к смерти. И неважно, насколько дорога короткая или длинная, если свернуть с неё мы всё равно никогда не сумеем. Марк отстойный философ, с этим не поспоришь, но часто говорил о возвышенном. Наверное, со мной он чувствовал себя романтиком. Я слушала его, поддакивала, кивала, делилась своим мнением, но, в действительности, пропускала всё мимо ушей. И только сейчас его слова обрушились на меня с новой силой.

Катя осторожно высунула голову из-за двери туалета – она боялась обнаружить родителей дома. Глупенькая. Она всё слышала. Я созналась ей, что снова вспомнила про Марка, который вдруг так понадобился мне, чтобы подставить своё мужское плечо и утешить. К кому мне идти? К подруге, поставившей меня на неисправимый путь? К родителям, разочаровавшимся во мне окончательно? К Марку, который, возможно, сидел и бухал, стараясь забыть нашу ссору? К кому?

Катя посоветовала для начала ответить на множество сообщений, которые накопились у меня в социальных сетях. Мне часто писали когда-то одинокие парни и хотели познакомиться, встретиться... В качестве релакса я ответила последнему мальчику, который написал мне всего лишь шесть

часов назад. Им оказался мой старый друг, Кирилл, по иронии судьбы сохнувший по мне ещё в школе. Он спрашивал, как мои дела... Чертовски хуёво. Но ответила я: «Отлично! А как у тебя?»

Мне признавались в любви десятки раз. Конечно, взаимностью я не отвечала, так как догадывалась, что все их слова – наглая ложь, в которой, порой, парни сами заблуждаются. В действительности их конечная цель всегда одна – присунуть. Как же они ошибались, когда я – та самая девушка, ночная фантазия множества одиноких парней – позволяла им осуществить эту мечту. В постели они хрипели, стонали, рычали, стараясь возбудить во мне небывалый восторг, и я им часто подыгрывала. Я кричала: «Да! Ещё! Ещё, милый!» – и они продолжали, пока не иссякнет их мужская сила. Какие наивные и глупые мне попадались мужики. Они уверяли себя, что, раз уж у них выдался отличный секс, то он обязательно повторится. Если я была в их глазах покорна как слуга, то они чувствовали себя властелинами миров. Спустя время они снова начинали приставать ко мне, подходить на улице и здороваться, как старые знакомые, но я показывала им средний палец. Ох, видели бы вы, как они обольщались и проигрывали. Внутри них пылал огонь, тогда как во мне лёд сковывал сердце.

Кириллу, этому мальчику из школы, достаточно обаятельному теперь, после выпуска, я сама призналась, что рассталась с парнем и хотела бы пообщаться. Он предложил схо-

дить в кино. Я же предложила встретиться у меня дома. Беспроигрышный вариант. Представляю, как прыгал до потолка этот кретин, мерцавший в средних классах своими гигантскими прыщиками. Уже тогда, наверное, он влюбился в мои длинные, шелковистые светлые волосы, тонкие и изящные ножки, милое личико и накаченный зад. Что ж, Кирилл, потерпи до завтра и выплесни всю силу и энергию на меня. Мой простодушный мечтатель.

Собираясь лечь спать, я стала снимать футболку и снова вспомнила про Марка. Его вещи по-прежнему оставались в моей квартире. Надо было написать ему, чтобы он незамедлительно забрал своё барахло...

Глава 3. Марк

– Первый, Первый, говорит Слежение. Вижу цель на 11 часов. Приём.

Мы с друзьями всегда любили повеселиться. Жаль, что когда я начал встречаться с Настей, то редко виделся с ними. Хотя, как выяснилось, и без меня дела у них складывались неплохо.

Они любители развлечься, знаете ли. Причём развлечения у них не такие, как можно подумать, глядя на современную молодежь. Конечно, выпить и покурить – пристрастие большинства молодых людей, но главное, чтобы эти слабости никогда не переходили границы и не брали над тобою верх. Иначе, считай, что тебя потеряли надолго и выкарабкиваться из того дерьма, в которое ты влез, будешь самостоятельно. Нет, наша компания никогда не стремилась к глупым попойкам с недалёкими девчонками в тесных квартирках. Мы всегда искали другого. Помню, как-то раз в середине лета мы воплотили блестящую идею, которая не требовала каких-то значительных расходов. Большой компанией, человек двенадцать, мы собрались в парке. Заранее прикупив водяные пистолетки и смастерив водяные бомбочки из резиновых воздушных шариков, мы арендовали несколько четырёхместных велосипедов и поделились на команды. Затем разъехались в разные части парка и начали свою игру.

Мы колесили по велодорогам, периодически пересекались и стреляли друг в друга из водяных пистолетов, кидали бомбы и веселились всласть. Под конец дня все были мокрыми до нитки, но счастливыми, как дети. Жаль, что мы так быстро вырастаем, а устроить что-то подобное становится всё тяжелее. Каждый из нас занимается своими делами, иногда интересуется успехами по мессенджеру, а на день рождения шлёт виртуальные открытки. И то, если не влом.

Однако на следующий день после фатальной ссоры с девушкой я созвонился со своими давними друзьями и предложил идею, которая вряд ли пришла мне в голову во время отношений. Мы пошли знакомиться с девушками, но не так заурядно, как это делают обычно.

Нас собралось четверо. У одного из нас дома лежали рации, которыегодились для осуществления авантюры. Мы снова поехали в парк, только теперь уже с новым крышесносным планом.

Наш квартет разделился на три подразделения: Слежение, Соппротивление и Захват (он же Первый). Задача заключалась в следующем: группе Слежение необходимо найти предполагаемую жертву, то есть невинную одинокую красотку, которая беззаботно прогуливается по парку. Приметив её, Слежение передаёт координаты Первому, и тот определяет – подходит ли она под заданные стандарты или нет. В положительном развитии сценария в игру вступает Соппротивление – ключевой персонаж всего действия. Человека из Соппротив-

ления достаточно описать одним словом, чтобы понять его роль. Он обычное быдло, короче. Быдлан начинает хамским образом приставать к красотке, а та, застигнутая врасплох, пытается от него избавиться. Но быдлан обязан быть настойчивым до тех пор, пока к нему не подойдёт Первый, который по-рыцарски обезопасит ни в чём не повинную принцессу и прогонит прочь гнусного злодея. В качестве награды он получит спонтанную беседу, а, может быть, и сердце дамы, которая не откажется продолжить прогулку вместе.

Стоило ли гадать, что роль Первого отведут красавцу вроде меня? Именно мне, как никогда, требовалась разрядка. Я хотел наверстать упущенное после длительного периода застоя. Правда, что-то не клеилось. Наверное, я подрастерял все свои навыки, поэтому не мог расположить к себе незнакомок. Проще говоря, первая девушка отшила меня под предлогом того, что находится в парке по каким-то важным делам. Допустим... Но вот вторая попытка. На 11 часов брюнетка с длинными волосами, щеголявшая жарким летним днём в коротких джинсовых шортиках и подвязанной до пупка клетчатой рубашке. Блестящий вариант...

– Принял. Даю добро, – пробурчал я в рацию. – Сопrotивлению приготовится. Брюнетка в клетчатой рубашке. Приём.

– Сопrotивление на связи! – ответил сиплый голос. – Вижу её. Готов по команде.

– Начали.

В мгновение ока мой друг, Гена, подвыпивший для лучшего эффекта, в грязной одежде, с внешностью конченного гопника, подскочил к девочке и стал приставать к ней со словами: «Привет, детка! Ты чё одна гуляешь? Не скучно тебе?» На что она, хоть и в растерянности, ответила весьма учтиво: «Молодой человек, извините, мне некогда, я спешу».

«Что значит некогда? Я тут, понимаешь ли, с семи утра торчу, жду, когда ты придёшь, а ты уйти собираешься, так не пойдёт» – в этот момент он взял её за руку, причём настолько неожиданно для всех, даже для самого себя, что получилось крайне реалистично.

«Отпустите меня! Вы пьяны, отойдите от меня!» – кричала девушка.

«Кто пьян, я пьян? Сейчас посмотрим, кто из нас тут пьяный» – Гена собирался схватить её обеими руками, а она постаралась приложить максимальные усилия, чтобы вывернуться. Медлить было нельзя. Хотя народу вокруг них не оказалось, люди издали уже посматривали в сторону нашего постановочного конфликта, который имел все шансы перерасти в конфликт настоящий.

– Эй, всё нормально? – я суетливо подбежал к ним. – Девушку отпустил! – обратился я к Гене с видом мужественного проходимца, но тот слишком вжился в роль и не собирался никого отпускать. – Я кому сказал, отпусти!

Я полез на него, сделал грозный вид, толкнул хорошенько и тем самым обезопасил незнакомку. Но Гена не растерялся

и со словами: «Какого хера ты лезешь в чужие дела?» – замахнулся на меня кулаком и проехался по переносице. Действовать нужно было незамедлительно: мы же не хотели, чтобы к нам присоединились остальные прохожие... Я въехал ему по челюсти, а потом в живот так аккуратно и в тот же момент правдоподобно, что любой бы каскадёр зааплодировал стоя. Тогда Гена ненадолго присел на корточки, а я занялся девушкой, в изумлении смотревшей на происходящее:

– С тобой всё хорошо? – поинтересовался я у неё.

– Да. У тебя щека немного красная и из носа течёт, – крайне заботливо ответила она, по-прежнему пребывая в шоке.

– Вот же чёрт...

– Подожди, у меня есть салфетка. Тебе нужно присесть. Запрокинь голову... – она взяла мою руку и отвела к расположенной поблизости скамейке.

– Уже второй раз за последние пару дней... – попытался я немного сбавить градус, чтобы ей стало легче. Она улыбнулась и дала мне салфетку. А Гены меж тем уже и след простыл. Вот же шустрый тип.

– Слушай, спасибо тебе. Я уже и не знала, что делать.

– Да ударила бы по яйцам ему с колена... – она посмеялась. – А я просто мимо шёл. Не мог же я оставить тебя на произвол судьбы. Меня кстати Марк зовут.

– Меня Ксюша. Ты меня очень выручил, Марк, правда.

– Да не благодари. Ты куда-то шла, не так ли? – произнёс я специально как можно осторожнее и демонстративно сощу-

рился от боли, потирая переносицу.

– Не трогай, не трогай, – поспешила она предупредить, наблюдая за моим искорёженным от «невыносимой боли» лицом. Потом она продолжила: – Вообще, собиралась встретиться здесь с подругой и погулять немного... Кстати, вот и она.

Ксюша указала пальцем на девушку, которая в недоумении спешила к нам на встречу. Её длинные светлые волосы закрывали ветром половину лица, и поэтому она постоянно поправляла их руками и убирала назад. Эта светленькая подружка Ксюши на вид казалась ничуть не хуже, и в глубине души я радовался успешному улову, пока, наконец, не осознал, что необходимо срочно что-нибудь придумывать, а то они быстро скроются от моих хищных когтей. Ладно, коготков.

– Надя, привет! – радостно поздоровалась Ксюша с подбежавшей подружкой, которая неодобрительно поглядывала в мою сторону. А я нервозно рисовал в голове план. Где мои друзья? Наверное, наблюдали за мной где-нибудь недалеко и ждали, как разрулится ситуация.

– Ты мне ничего не говорила про парня с разбитым носом по телефону. Где ты подобрала этого несчастного? – не без иронии спросила эта дерзкая Надя.

– Ах, это. Его зовут... М... Блин, забыла... Ма...

– Марк. Как Марк Уолберг, – добавил я.

– Как кто? – сgrimасничав, переспросила улыбчивая Надя.

– Марк Уолберг. Актёр голливудский...

–Аааа. Ну, по виду ты скорее Марк Цукерберг. На мини-малках. Хотя, ладно, забей... – Надя пристально изучала меня, пока придумывала сравнение.

– Так вот, – продолжила Ксюша. – Марк спас меня от психопата, который, представляешь, пристал ко мне и начал домогаться!

– Неужели? Да ты герой... – саркастично вставила светло-волосая Надя, пока я представлял себя супергероем, вышедшим с обложки комиксов.

Стоп, мне же надо было срочно придумать, как убедить их остаться со мной. Ага, придумал:

– Вообще, с минуты на минуту должен подойти мой друг. Как вам идея прогуляться вместе?

– Звучит не очень заманчиво, – уныло заканючила прелестная Надя. Я разрывался при виде двух очаровательных красоток, только и ждавших от меня какого-нибудь классного предложения.

– Потом мы можем пойти, не знаю, скажем, в кальянную. Я знаю одну неплохую неподалёку...

– Вот это уже поинтереснее, – оживилась Ксюша, а за ней и Надя. – Теперь можно и соглашаться, не правда ли, Надь?

– Да, Ксюш, – подыграла Надя в прежней, свойственной ей, видимо, шутливой манере. – Поломались – пора и честь знать. Короче, мы не против... Только где же твой друг?

– Я наберу ему сейчас и узнаю...

В этот момент я набирал номер одного моего приятеля, Димы, который стоял метрах в ста от меня. Я выбрал его, потому что рации из дома притащил именно он. Дима вёл слежение, а теперь ему предстояло помочь мне с решением уравнения с двумя переменными. Какая из них лучше, я так до сих пор и не определился. Хотя, разговаривая с Надей, я понимал, что к ней тяготился сильнее. Правда, я не привередливый, тем более что Ксюша показалась мне тоже очень славной.

Дима примчался через минуту после моего звонка, чему наши принцессы, естественно, удивились. Они и не подозревали, какая гениальная стратегия была выстроена вокруг них. Любой бы позавидовал. Любой, кроме нас. Мы с Димой не из тех ребят, которые, лёжа на диване, жалуется на жизнь. Мы привыкли действовать, поэтому нам некогда завидовать. Пусть завидуют другие.

Мы шли в кальянную и вели обычную беседу. Кто где учится, чем увлекается, где работает, с кем знаком, что забыл в парке и так далее. По разговору стало очевидно, что само общение для наших спутниц – лишь ширма, и за ней они прячут свою истинную натуру. Видно было, что эти девушки, которые, как выяснилось, старше нас с Димой на пару лет, уже многое повидали на своём жизненном пути, поэтому поразить их чем-то – задача не из простых. Пока я рассказывал о своих планах на будущее, они, наверное, наблюдали за проезжавшими мимо пафосными тачками, раз-

глядывали мужиков за стеклом и любовались домами, в которых могли бы жить. Конечно, какое им дело до моих амбициозных целей, когда есть мужчины, уже добившиеся всего этого? Ожидание – это вообще не про женщин. Сколько литературы написано, сколько фильмов снято о том, что девушка не способна сохранить верность, потому что страхи, сомнения, провокации одолевают их хрупкое сердце? Нас, мужчин, женщины называют неверными козлами, готовыми заглянуть под чужую юбку. А посмотрите на этих женщин – куда заглядывают они, о чём думают?

Хорошо, что у Димы в это время не возникало никаких внутренних противоречий, и он успешно вешал лапшу на уши девчонкам, которые всё равно воспринимали половину его слов как белый шум. Его страстные и смешные монологи только заполняли пустоту между нашим сексуальным влечением и их зрелым безразличием. Или мне просто это чудилось?

По-моему, с того момента, как я расстался с Настей, я стал несколько иначе чувствовать жизнь. Будто она, эта жизнь, стала слишком очевидной и посредственной. Складывалось ощущение, что отныне ничего не поразит меня, и эти девушки, на чьи попки я изредка глазел, – типичные незнакомки, по вечерам тусовавшиеся в клубах, напивавшихся до беспомысленности и уезжавших в такси на хату к очередным мажорам. Но не все же девушки такие? А впрочем, я убеждён, что пока одни девушки наслаждаются всякими рейвами, другие в глу-

бине души этого неистово хотят. Индустрия распущенных нравов и легкомыслия сделали из нас ходячих сексоголиков.

В тот знойный солнечный день мы наконец-то укрылись в кальянной, где комфортную атмосферу создавали прохладительные напитки, кондиционер и освежающий табачный дым с привкусом мяты. Не знаю, с каких пор кальянные стали в моде, и в моде ли они вообще, но появились эти заведения именно тогда, когда понадобились лично мне. Достигнув того возраста, когда уже можно не стыдиться звать куда-то девушек, я без раздумий предлагал кальянные – места, которые, как правило, девушки почти не отвергают. Мы тусовались обычно в одном конкретном месте, где работали знакомые, которые не спрашивали у нас паспортов. Так незаметно на смену спорту пришли вредные привычки, а футбольному полю – бычки от сигарет. Мне требовались уже иные развлечения.

Тем временем мы вчетвером сидели на мягких диванах: девушки напротив парней. Мы вели какую-то тупую беседу и вспоминали нелепые случаи, над которыми можно совместно поугарать. Это раскрепощает, и в то же время позволяет показать себя с лучшей стороны. А в компании с девушками всегда надо составить автопортрет, чтобы они имели на твой счёт какое-то мнение. Плюс нашего разговора состоял ещё и в том, что мы могли выдумать полную околесицу и выдать её за чистую монету. Но если байки слишком абсурдные, их быстро вычислят, поэтому всегда лучше просто приукраши-

вать события.

Вот начал рассказывать спутницам, как мы весело отпраздновали день рождения одного друга. Стоял жаркий день. Наша мужская компания в составе шести человек поехала за город, чтобы отметить день рождения на даче именинника. Приехав ближе к вечеру, мы пожарили шашлыки, разлили выпивку и чувствовали себя шикарно. И вдруг одного из нас осенила мысль: взять подушки из дома, пойти в лес, найти палки побольше и устроить рыцарский турнир. На трезвую голову вряд ли такое придумаешь, верно? Так и поступили: взяли подушки, забрались поглубже в лес и начали искать палки. Искать в хмельном состоянии палки – занятие одновременно смешное и невыполнимое. Тем не менее спустя какое-то время все шестеро были при оружии – щите и мече – и мы стали проводить турнир. Палками махали, конечно, как могли, ведь они, если честно, и в руках-то держались еле-еле, однако совсем скоро обычная забава переросла в настоящее соревнование. Вот почему один из друзей не хило заехал имениннику по голове своей дубиной и тот моментально вырубился. Сначала мы подумали, что он копыта отбросил, но, сообразив, выяснили, что он просто отключился. И всё-таки на счёт сотрясения никто из нас не знал наверняка, а потому закончить нашу вечеринку пришлось не на дачном участке, а в больнице. С сотрясением обошлось, но от своих предков за эти выходки именинник получил изрядно.

История, конечно, хорошая, хотя никакой больницы и турнира, на самом деле, не было, потому что нам не удалось в итоге собрать палки и мы, наплевав на идею, ушли обратно домой. Надя и Ксюша стали робко смеяться над этой частично вымышленной историей, как вдруг в действие вступил Дима. От его историй люди часто вообще выпадали.

– Дело было в Турции, – начал он. – Мы с друзьями отдыхали в одном из отелей. Море, пляж, хавчик – всё было первоклассно. Но нас, понятное дело, привлекало кое-что другое – ночные клубы. Мы с трудом дожидались очередного вечера, потому что нам нравилось знакомиться с красивыми иностранками и проводить с ними время, даже особо не понимая их речь. Так вот, однажды вечером мы вчетвером сидели за столиком и смотрели на танцующих девушек. В руках у них, значит, коктейли. А мы сидим, пялимся в надежде подойти хотя бы к одной из них. Реально, мы пристально искали себе подруг на вечер, как вдруг все разом заметили очаровательную брюнетку. Она подходила к барной стойке. Женя, самый младший из нас, – ему было шестнадцать – сказал, что заметил её ещё вчера. Он заикнулся, что сейчас непременно познакомится с ней, затем выпил залпом оставшееся виски и погнал. Этой брюнетке на вид было лет девятнадцать, отвечаю, а говорила она, наверное, на немецком. И прикиньте, Женя, который не умел и трёх слов связать даже на английском, уже во всю чесал с ней языком, а потом и танцевал, обнимая её за талию. В общем, в какой-то момент,

когда наша компания уже конкретно напилась и мы отжигали на танцполе, Женя подошёл ко мне со счастливой улыбкой и сказал: “Дим, она из Германии, представляешь? У неё даже акцент немецкий! Мы идём с ней на пляж. Ох, и отмщу же я ей за сорок первый!” Давай, ответил я, устрой ей битву за Сталинград, и продолжил танцевать. Спустя полчаса нам с ребятами надоело танцевать, и на пьяную голову мы пошли гулять по отелю, разнося по пути в пух и прах всё, что попадалось нам под руку. Фонарный столб с вертухи. Скамейку в щепки. Даже безобидные клумбы распотрошили. Думаю, наш ор разбудил всех отдыхающих в третьем часу ночи, но не суть... Бухие мы, значит, вышли к пляжу. Все мы весело шли к воде, как вдруг прислушались к каким-то стонам с берега. Подошли поближе и увидели два прилипших друг к другу тела – это Женька и его немка. Она так громко стонала, что они даже не заметили, как мы к ним подобрались. Из любопытства, не удержавшись, мы, ясное дело, включили фонарик на телефоне, чтобы рассмотреть, чем же таким Женя мог поразить эту немку. И свет внезапно озарил руку Жени, которая, словно отбойный молоток, туда-сюда ходила между ног у иностранки. Я на всю жизнь запомнил его лицо – сосредоточенное и вдумчивое, как у Ньютона. Мы заржали, а Женя, увидав нас, поначалу растерялся, а после, тоже через смех, попросил нас уйти со словами: “Вы девушку смущаете”. Но ситуация приняла совсем неожиданный оборот, когда немка вдруг сама к нам обратилась со словами: ”Эй вы,

козлы ебаные! Слышали, что вам сказали? Свалите отсюда нахуй, пока я вам лицо на задницу не натянула, ясно?!” Так Женя понял, что от судьбы не уйдёшь, и его мечта заняться первым сексом с иностранкой канула в небытие. На следующий же день Женя узнал, что этой «немке» двадцать шесть, и что она проживала в отеле вместе с супругом и ребёнком. Да, после такого Женя ещё долго не хотел никакого секса.

Надя и Ксюша долго не могли отойти от этой истории. Но когда они пришли в себя, то стали рассказывать свои.

– У нас, правда, не такие весёлые рассказы, как у вас, но зато жизненные, – заговорила Надя, передав трубку кальяна своей подруге. – Вам, мальчишки, пригодится... А, погодите, вы как, юзаете? – мы с Димой отрицательно покачали головой, будучи честными, хотя, наверное, чтобы показаться круче, надо было бы кивнуть. Однако я слишком поздно спохватился, а Надя продолжила: – Ну, по крайней мере, знаете, что это, надеюсь... – она таким образом стебала нас, намекая, что мы малолетки. Но вообще-то у меня в этой кальянной даже паспорт не попросили, а у Димы его не просят уже с тех пор, когда у него начала расти борода, которую он специально отращивает на всякий случай. Вроде этого... – Расскажу я вам, как двое моих близких знакомых на деньги большие попали. С собой у них был кусок небольшой, они собирались прийти домой, расслабиться чуток. Шли вечером через небольшой лесок, как вдруг на них выходят дядьки в штатском, корочки какие-то показывают и просят за-

держаться ненадолго. А дядек, ну, человек шесть, не меньше. Просят, значит, отойти в сторонку, начинают спрашивать, мол куда идёте, откуда. Потом прямо в лоб говорят, есть ли что в карманах, а знакомые с перепугу и отвечают, что немного есть. Теперь им деваться было некуда: дядьки попросили вынуть, те вынули, а потом им и говорят: дело, видите ли, серьёзное, сейчас в отделение поедут, оформлять будут. Либо штраф светит, сказали, либо работы, либо в заключение. Попросили знакомых дядьки позвонить родакам своим – те послушно позвонили, а дядьки и сказали, что если проблем не хотите дальше с учёбой, с работой, на учёте стоять и так далее, то расплатиться на месте нужно. Двести касарей. С каждого. Это родакам и просили передать. А предкам что оставалось – только выручать. Подъехал чей-то отец, дал наличные дядькам и разошлись. Конец.

– И что потом родители с твоими знакомыми сделали? – поинтересовался я.

– Да, чего, батя первого чувака от злости потом втащил сыну хорошенько за баловство, а второму, наверное, дома тоже досталось... – ответила Надя пренебрежительно. – Ну как, страшная история?

– Ой, да ладно тебе, Надь, чё ты мальчишек-то пугаешь? – расслабленным после кальяна голосом сказала Ксюша. – Вот я сейчас расскажу забавную сказку, закачаетесь.

– Но ведь это была не сказка, – возмутилась Надя.

– Окей, – поспешно продолжила Ксюша. – Случай был та-

кой. У меня парень бывший какое-то время занимался обналом. Обнал знаете, что такое?

– Ну, это когда деньги отмываешь, чтобы доходы от налоговой скрыть, – быстро ответил Дима, тогда как я уже собирался снова головой качать. После его слов я утвердительно кивнул, будто для меня это тоже очевидная вещь.

Ксюша стала рассказывать дальше:

– Да-да, и вот мой бывший был посредником. Он вместе со своими кентами ездил, обналичивал средства из одного банка в другой. Ему от этого процент капал – так и зарабатывал. Так всё продолжалось несколько месяцев – задача непыльная, тем более что вариантов подловить посредника у полиции почти никаких. Но как-то раз они поехали все вместе за город в одно отделение, а там банкомат не работал. Мой бывший, дурак, зашёл внутрь, чтобы обналичить через кассу – сумма прям уж очень большая была. Его попросили паспорт показать. Долго копались там, но в итоге выдали сумму на руки. Как только он вышел – его уже ждали друзья в фуражках. Причём вместе с космонавтами. Его скрутили, сказали попался, а он не понимает, что происходит вообще. На допросе выяснилось: его спутали с бандитом, который на протяжении года банки в регионах грабил. Мне он потом рассказывал: ему фоторобот преступника показывают, а он реально понимает, что одно лицо. Прикиньте, как не повезло моему. Что ж, пришлось признаться, чем занимается. Светил, короче, то ли штраф, то ли срок – не помню, но

бывшему повезло. Козлам всегда везёт. Через какое-то время мужик какой-то приходит к моему бывшему и говорит, что его отпускают, но если узнают, что он занимается чем-то подобным, то упекут надолго. Так инцидент и был исчерпан.

– А что за мужик то? – теперь уже от любопытство распирало Диму.

– Да, губернатор какой-то из того региона, где обналичивали.

– А почему отпустил? – у меня в голове картина так и не сложилась.

– Ну, бывший считает, потому что деньги государственные, вот и всё. Он мне даже шёпотом, как помешавшийся, твердил, что это деньги чьи-то, кто на самом верху сидит.

– Ты поэтому его бросила? – подтроллил Дима. Мы все дружно засмеялись.

– Смешно, но нет, не поэтому. У него характер специфичный просто...

Мы ещё долго сидели и разговаривали, тянули кальян и потихоньку расслаблялись. Затем поиграли в карты, оплатили счёт и ушли.

Незаметно наступил вечер, и мы с Димой подумывали над тем, куда дальше вести своих подруг. Они были уже почти готовенькие: купи выпивку и зови к себе. Но проблема заключалась в том, что родители Димы никуда не уезжали из дома, а моя ситуация так ещё хуже.

Пока Дима переписывался со знакомыми, упрашивая тех

освободить квартиру на ночь, произошёл неожиданный конфуз, который свёл все наши планы на нет.

Мы с Димой стояли и курили в стороне от Нади с Ксюшей. Ксюша, которую для себя уже выбрал я, тогда как Диме пришлось довольствоваться Надей, общалась с кем-то по телефону. Я не слышал, о чём она говорит, но её гримаса подсказывала мне, что этот диалог весьма неожиданный и неприятный. Тут важно добавить, что все мы стояли на тротуаре рядом с проезжей частью, в пол сотни метров от метро. На мгновение мы отвернулись от девушек, а когда я обернулся обратно, то увидел, что взгляд обеих устремлён на остановившуюся чёрную BMW. У машины включились аварийки, а из неё вышли четверо загадочных типов. Один из них подошёл практически вплотную к Ксюше, но в этот миг мы уже успели заподозрить что-то неладное и были рядом. Грозный вид этого атлетичного пацана в солнцезащитных очках и его друзей-качков подсказывал мне, что сейчас начнётся что-то неладное. Ситуация казалась напряжённой, но я никак не мог собрать свои яйца в кулак. Хотя, когда я поглядел на Диму, у меня и вовсе сложилось впечатление, что яйца у него отсутствуют и собирать там нечего – настолько он был растерян.

– Зачем ты приехал?! – громко кричала Ксюша на этого грозного парня. – Я же тебе всё нормальным человеческим языком объяснила. Давай, разворачивайся и поезжай со своими друзьями дальше.

– Я что-то не пойму, детка, – обратился он к ней, яростно жестикулируя руками. – Ты мне писала, что сидишь с подружкой. А кто эти хмыри? – показал он на нас.

– Какая тебе разница вообще! – ответила Ксюша, толкнув его в плечо. – Я имею право гулять с кем хочу, ясно?!

– Дура, а я тебе в любви клялся. Прощения просил на коленях. А ты что? Да тебе похуй было на всё это! И что теперь? Вот те, кто тебя устраивают, да?

– Ещё раз повторяю: ЭТО МОЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ! С тобой мы уже всё давно обсудили! И я думаю, что разговор исчерпан. Так что катись отсюда!

– Нет, не исчерпан! – выкрикнул он, резко взяв её за плечи, словно какой-то псих. Тут уже пришло время нам вступить в их семейные разборки.

– Руки убери от девушки, – потребовал я его, взяв за одну руку.

– Ух ты, ёбанный рот! Защитничек! – прокомментировал он, но руки убрал. Правда, остановить его вряд ли можно было словами, ведь его состояние стало более чем невменяемым. – Ты бы меня не трогал сейчас, а то огребёшь вместе со своим лохматым другом. Лучше завали свой рот и дождись пока взрослые договорят, ок?

– А тачка классная у тебя, смотрю. Сам заработал или папашу потряс? – добавил я, и теперь эта груда ненависти устремилась лишь на одного меня. Мои яйца сейчас казались железными как никогда. Ксюша и Надя посмотрели на ме-

ня с безысходностью и сожалением, что не предвещало, разумеется, ничего приятного. Тем не менее морально я уже подготовился к тому, что схлопочу. Вопрос оставался за временем. Уж лучше достанется нам, чем нашим подругам. Но я также представлял, какими плохими словами в голове называл меня в тот момент Дима, который явно не любил конфликтовать. И всё же, теперь этого было не избежать.

– Зря ты это... – едва слышно сказала мне Надя и опустила глаза.

– Она права, пацан. Ты точно нарваться хотел. Радуйся, нарвался! – затем он обратился к стоявшей рядом с ним шайке: – Ребята, поучим этих сопливых уважению?

Я заметил, как все четверо с суровыми минами на лицах направились к нам с Димой. Поначалу мы пробовали отбиться, но через несколько минут уже валялись на земле и принимали яростные удары ногами по почкам и рёбрам, слушая женские возгласы: «Не надо! Хватит, Лёш! Скажи, чтоб они прекратили! Прошу тебя!»

Вскоре они и правда прекратили. Не помню, был ли я тогда вообще в сознании. Словно из потустороннего мира я слышал едва уловимые слова: «В машину! Живо!» И вроде бы девочки что-то говорили: «Вы извините нас, ребят!»

Меня поднял какой-то незнакомый человек. Голова кружилась, и я толком не понимал, что вообще происходит вокруг. Помню Диму, валявшегося на асфальте. Его лицо походило на отбивную. Я ощупывал своё лицо: похоже, на нём

только пару ссадин. В отличие от моего друга, я успел прикрыть его руками.

Дождавшись приезда скорой, я отправился вместе с ним в больницу. Ситуация не казалась критичной, но, судя по всему, Диме нужно было наложить несколько швов... Во время поездки я то и дело пялился на его лицо. В какой-то момент он не выдержал и обеспокоенно спросил:

– Что зришь? Неужели всё так плохо?

– Настолько, что ты вряд ли ответишь своей мамке что-то кроме правды... – ответил я, будучи принципиальным реалистом...

Летом в больнице очень холодно. Всё из-за кондиционеров. Из операционной, куда ввозили одного полумёртвого пациента, а вывозили другого полуживого, изредка доносились крики. Эти голубые стены, на которых нет никакой рекламы и информационных объявлений, удручали и одновременно пугали. Мне даже на мгновение пришла мысль стать первым, кто оставит на ней след в истории. Но я понимал: что бы я не изобразил на этой стене, пусть даже овощной натюрморт в виде двух помидорок и огурчика между ними – всё снова закрасят невзрачной голубой краской. Иногда ты что-то меняешь в жизни, рисуешь на своём биографическом полотне, однако в какой-нибудь неожиданный для тебя час кто-то портит твой рисунок, и приходится рисовать по-новому. Я пытаюсь найти свою палитру, своё вдохновение и в результате получить что-то неповторимое и удивительное, а

пока что всё сводится к одному и тому же – к двум помидоркам да огурчику.

В безмолвных коридорах больницы отчётливо слышался звук вентилятора. Вокруг воцарилась странная тишина. То ли пациенты закончились, то ли в операционных спасли уже всех, кого могли. И всё бы замечательно, если бы не внезапный рингтон на моём телефоне, который настолько ужасен, что даже прекрасен, ведь если меня он раздражает, то окружающих он раздражает во стократно. А я обожаю, когда кто-то бесится по пустякам.

– Алло, мам?

– Привет, милый. Как твои дела?

– Всё хорошо. Сижу... Смотрю на детей, которые играют на детской площадке. Ты как?

– Ничего. Ты помнишь, какой сегодня день?

– Да, мам, я помню.

– Хочешь прийти сегодня?

– Куда?

– Ко мне.

– А можно?

– Да, Семён сегодня на работе допоздна. Ты можешь прийти, помянем отца.

– Почему ты раньше не позвонила?

– Не могла раньше... Так тебя ждать?

– Буду через час где-то...

– Хорошо, буду ждать тебя, дорогой.

– Целую тебя, мам.

– И я тебя, сынок.

Я не люблю затрагивать тему своего родного отца. Он погиб, когда мне было восемь. Разбился в автоаварии. Тогда я очень сильно переживал на счёт всего этого: похороны, нотариусы, долги, которые надо было погасить. Пока я ходил в школу, моя мама бегала с одной работы на другую и пыталась одновременно прокормить меня и себя, а заодно расплатиться по кредитам. В те годы я видел её реже, чем своих бабушку с дедушкой. Длилось это до тех пор, пока мама не встретила моего будущего отчима, Семёна. Тогда-то мы продали свою квартиру и перебрались в его. Выбор был небольшим: надеяться на силы матери и её родителей, либо принять помощь, предлагаемую Семёном. Поначалу мне он казался славным, но в качестве отца я его никогда не воспринимал. Да и славным он был только до тех пор, пока не нажирался в хлам. Кто мог знать, что чувак в погонах, который служит в ОМОН, такой свинья в личной жизни? Когда отца не стало, всё пошло наперекосяк. Поэтому я предпочитаю забыть всю эту историю и жить дальше.

Я зашёл в палату к Диме, чтобы попрощаться. С минуты на минуту должны были приехать его родители, а я не хотел смотреть на их замороченные физиономии, а уже тем более что-то объяснять. Ох, несладко же придётся моему другу: ему предстояло объяснить случившееся, но куда страшнее – смириться со шрамами, которые останутся навсегда.

Когда я добрался до того места, где живёт моя мама, уже стемнело окончательно. Она жила в бедном спальном районе, где частенько сидят бабушки на скамейках и прикармливают бездомных котов и голубей. Во дворах здесь не было чудных детских площадок: лишь горка да качели, на которых я очень любил кататься в детстве. В квартирах пятиэтажного дома горел свет, но я без особого труда узнал то самое окно, откуда мама раньше звала меня обедать. В этом окне по-прежнему светила красивая люстра, одна из лампочек которой постоянно перегорала.

Я поднялся на третий этаж, постучал в дверь и тут же услышал знакомое торопливое шарканье тапочек по полу. Мама открыла дверь и крепко обняла меня на пороге, а затемпустила. Я мгновенно ощутил давно забытый запах домашней кухни. Пахло кипячёным молоком и чем-то жареным. Наверное, моими любимыми мясными котлетами.

– Разувайся, Марк, – суетливо бормотала она, не сдерживая радости. – Мой руки и садись скорее за стол, а то остынет.

Она была одета в домашний халат, волосы были едва сухими. Видимо, она совсем недавно принимала душ. Мне всегда нравился запах её мыла.

Присев за стол, где на тарелке и впрямь лежали испускавшие пар котлеты, я мельком взглянул на мать и смутился: она пристально рассматривала меня под ярким светом кухонной люстры.

– Что у тебя с лицом, милый? – обеспокоенно и в то же время расстроено спросила она. – Ты дрался?

– Не волнуйся, уже всё хорошо. Просто подставился неудачно.

– Что это значит?

– Это значит, что самое время подкрепиться, а не говорить о пустяках. Ничего серьёзного не случилось... – Я перевёл тему. – Ты ходила на кладбище сегодня?

– Конечно. И на кладбище ходила, и в церковь тоже, а как же. За тебя, милый, свечку поставила сегодня. Переживаю. Звонишь в последнее время ты редко, а навещаешь и того пару раз в год...

Мама работала учителем в воскресной школе и чтит православные традиции, но при этом набожной я бы её никогда не назвал. Она поступила в духовную семинарию через несколько лет после смерти отца, окончила её и теперь несла службу. На моё удивление, зарплата там ничуть не хуже, чем у врачей или, скажем, пожарных. Только называется у них это жалованием. Признаться, мне любовь к богу вообще никак не передалась, чему, впрочем, я даже рад. И мама никогда меня не попрекала за это и никогда не предлагала поменять мою точку зрения. Она уважает мои взгляды на жизнь, и за это я ей очень благодарен. Мне всегда казалось, что религия изживёт себя даже раньше бумажной прессы. По крайней мере в той форме, в которой мы её воспринимаем сейчас. Впрочем, я никогда бы не сказал ничего подоб-

ного матери, потому что её выбор я уважаю настолько же, насколько и она мой. Какой бы любовью она ни пропиталась к неизвестному создателю, какого бы спасителя не молила о помощи, это её дело. А моё дело – не вникать туда, где ты ничего не понимаешь.

– А как Семён поживает?

– Трудится, – как-то замялась мама, – на работе сегодня. Дел невпроворот в последнее время у него, говорит. Мелкая преступность выросла. Особенно среди молодых... – тут мама снова пристально поглядела на меня молча и прибавила: – Поэтому-то я и волнуюсь за тебя, Марк. Мне тут недавно сон приснился очень нехороший...

– Что за сон, ма? – спросил я, наблюдая, как несколько слезинок прокатились по её щеке, но она их быстро вытерла ладонью.

– Да всё с тобой, – и даже рукой махнула куда-то в сторону, продолжая. – Неприятный очень сон. Ты с бандитами какими-то увязался и вас скрутили, затолкали в машину. Потом приезжаю я к тебе в тюрьму, а ты худющий весь, побритый налысо, в синяках... – и снова она всплакнула, стараясь всхлипывать как можно тише. – Одна надежда на вас с Настенькой, что у тебя хорошо всё с ней. Не бросай ты её, слышишь, не бросай. Девочка она хорошая, добрая, улыбочивая. И родители у неё – светлые люди. Глядишь, и поженитесь с ней когда-нибудь. Уж поверь, я знаю.

Она нежно положила мне руку на плечо и легонько по-

гладила. Я улыбнулся ей в ответ. Я не мог сказать ей, что с Настей, похоже, всё кончено. Как признаться в этом родной матери, которая столько времени шла со мной рука об руку?

– Что с учёбой у тебя, сынок? Как дела в колледже?

– Каникулы, мам, ты же знаешь.

– Знаю. Но мало ли, долги какие остались...

– Нет, всё хорошо, мам, правда...

– Ты молодец, Марк, молодец. Как Настя-то?

– Хорошо, – ответил я ей, покашливая, при этом не отворачиваясь от тарелки.

– Ешь ты как-то неохотно, вижу. Неужели разонравилась пища мамина, а? – иронично спросила она.

– Нет, дело не в этом. Я просто ел недавно, – ответил я, вертя вилкой по тарелке.

– Ну ты кушай, кушай, Марк, – она встала из-за стола и подошла к плите, чтобы поставить кипятить чайник. – А помнишь, как мы с отцом полетели на море? Тебе было года четыре, а может, пять. Мы с ним лежали и загорали на пляже, а ты сказал, что пойдёшь поплещешься в воде. Отец попросил тебя не заходить глубоко, и ты пообещал, что не станешь. Плавать тогда ты ведь сам ещё не умел хорошенько. Вот я лежу, ты уже ушёл давно, а отец твой и говорит мне: «Пойду посмотрю, как бы не утонул»... Если бы не отец тогда, кто знает, что бы с тобой случилось. Ты бултыхался где-то далеко от берега и достать до дна не мог. И кричать ты не мог, вода попадала в рот. Тебя уносило течением, но отец ринул-

ся со всех ног... Ты никогда не слушался, мой мальчик. И постоянно натыкался на проблемы из-за этого.

Я слышал от неё эту историю раз десять. Она рассказывает её почти всегда, когда мы вспоминаем папу. Он любил семейные поездки. На море, на дачу, на рыбалку. Тот отпуск был последним, когда мы собрались втроём.

Мама продолжала говорить о папе, одновременно заваривая чай. Я смотрел на её спину, пока она клала чайные пакетики в чашки, наливала кипяток и заваривала чай. Затем она взяла эти пакетики и понесла их к мусорному ведру под раковиной. Она нагнулась, чтобы открыть дверцу, и тогда я увидел её бёдра, покрытые огромными синяками. Я пришёл в ужас.

– Мам, что у тебя с ногами?

– А что с ними? – она встала ровно и поглядела на них сверху, делая вид, что ничего не понимает.

– Там, под халатом, где бёдра, – неуверенно указывал я пальцем.

– А, это? Я просто упала недавно, сынок. Кремом помазала заживляющим, скоро пройдёт, не переживай, – успокаивала она меня, а я вдруг сразу вспомнил, чёрт подери, как любил Семён орудовать не кулаками, а коленями. Несколько раз при мне он задирает колено и бил маму в районе бёдер и поясницы, но не очень сильно. Если бы он бил сильнее, то мама легко бы упала на пол, а после ударов оставались бы огромные синяки. Как теперь.

– Ты говорила, что он больше не задирается на тебя, мам...

– Кто? Семён? Он и не бьёт меня, Марк... – я чувствовал, как она неумело лгала и оправдывалась. – Он вообще изменился за то время, что тебя не было с нами. В лучшую сторону...

– Не надо только мне врать! Или ты правду говоришь, или я ухожу сейчас же.

– Это правда, сын! Верь мне...

– Я-то тебе, может, и поверю, а бог твой поверит, а?! – во мне всё кипело от ненависти, и, конечно, этими неприятными словами я задел её. Она села на стул и тихо заплакала. Во мне же не было в этот момент ничего, кроме гнева на весь мир, и в особенности на одного человека в этом мире, который, увы, ещё находился на работе. Видите ли, преступности много! Плевать я хотел на преступность! Мне хотелось лишь встретиться с этим лживым ублюдком, который обращался с моей мамой как с боксёрской грушей.

Я спешно попросился с матерью и ушёл, оставив её не в лучшем расположении духа. Однако моё расположение было куда хуже. В жизни многие вещи треплют мне нервы, но что я больше всего на свете ненавижу, так это когда человек не держит свои обещания.

Присев на старые качели возле дома, я закурил. Давно уже я не испытывал такой разъяренности ко всему живому. Но чередой последних событий, отправной точкой которых стало

расставание с Настей, наконец, достигла своего пика.

Легонько раскачиваясь на качелях, в которые мне еле-еле удалось влезть, я постепенно вспоминал те беззаботные дни детства. Мы часто жалеем, что оно прошло, потому что считаем это время самым прекрасным. Каждый день мы тоскуем по забытым воспоминаниям, по ушедшим дням, привнёсшим столько незабываемого, но безвозвратного. Мы хотим вернуться назад, а время неотступно движется вперёд. И почему мы так часто желаем остановиться? Почему мы так привязаны к своему прошлому? Порой мне кажется, что все люди тянутся к тому, что уже произошло с ними, и забывают о настоящем. Они чересчур обеспокоены случившимися проблемами и думают лишь о том, как можно было бы их избежать, а об их решении не задумываются. Но я ничего не чувствовал к прошлому. Оно меня не тревожило. Ни смерть отца, ни расставание с девушкой, – ничего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.